

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**2020
№ 2(14)**

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

**No. 2(14)
2020**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2020
№ 2
(14)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2020
№ 2
(14)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

- О.В. Долинникова (Северцева)*
Бюджет работниц промышленной сферы Санкт-Петербурга
во второй половине XIX – начале XX в. 6
- А.М. Семёнов*
«Что же нам делать?»: профессиональные трудности
прачки-поденщицы в России в конце XIX – начале XX в. 20

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- Ж.А. Сержанова*
Языковые вопросы российских немцев в историческом аспекте 30
- В. Деннингаус*
«Немецкую школу без риска можно назвать антисоветской»:
учитель как тормоз трансформации немецкой школы в 1920-е гг. 42

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- И.В. Дубинин, И.Г. Иванцов*
Личная жизнь сотника И.Д. Попко 71

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- А.Д. Резанов*
Основные тенденции развития отечественной дореволюционной
историографии быта и повседневности Древней Руси 85
- Л.С. Королева*
Повседневная жизнь политических ссыльных
в пореформенной России:
современная историография вопроса 106
- Сведения об авторах 115

Contents

EVERYDAY LIFE OF INDIVIDUAL SOCIAL GROUPS

Ol'ga V. Dolinnikova (Severtseva)

The budget of female workers in the industrial sector of St. Petersburg
in the second half of the XIX – early XX century 6

Aleksei M. Semenov

"What should we do?": professional difficulties of a day-laborer
laundress in Russia at the end of the XIX – early XX centuries..... 20

NATIONAL ASPECTS OF THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Zhanna A. Serzhanova

Language issues of Russian Germans in the historical aspect 30

Victor Dönninghaus / Denningkhaus

"German school can be called anti-Soviet without risk":
Teacher as a brake of the German school transformation in the 1920s..... 42

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Igor' V. Dubinin, Igor' G. Ivantsov

Personal life of the centurion I. D. Popko 71

HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Andrei D. Rezanov

Basic trends of the Russian prerevolutionary historiography's
development in the study of ancient Rus' daily routine
and everyday life..... 85

Lyubov' S. Koroleva

Everyday life of political exiles in post-reform Russia:
modern historiography of the issue 106

About Authors 116

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 338.45(091)(470.23-25):331.2-055.2

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

О.В. Долинникова (Северцева)

Бюджет работниц промышленной сферы Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в.

В статье анализируется уровень заработной платы работниц промышленных предприятий Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. Были установлены причины более низкой оплаты их труда по сравнению с мужчинами-работниками. Женщины на промышленных предприятиях получали меньше, так как выполняли более простую работу. Спрос на низкоквалифицированных работников был меньше, чем предложение. Фабриканты сами могли устанавливать размер заработной платы по своему усмотрению, а также снижать его в соответствии со своими экономическими интересами. Сокращался заработок работниц и из-за штрафов, которые систематически применялись на всех фабриках и заводах столицы. Но на некоторых предприятиях женщины могли получать заработную плату больше, чем мужчины. Также в статье указываются основные расходы работниц – на жилье и питание.

Ключевые слова: работницы, промышленность, С.-Петербург, бюджет, заработная плата, штрафы, питание, жилье.

Ol'ga V. Dolinnikova (Severtseva)

The budget of female workers in the industrial sector of St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX century

The article analyzes the level of wages of female workers of St. Petersburg industrial enterprises in the second half of the XIX – early XX centuries. Mostly female workers earned less than male workers. This study identified the reasons for the lower wages compared to the earnings of male workers. Women in industrial enterprises were paid less because they performed simpler jobs. Demand for low-skilled workers was lower than supply. The manufacturers themselves could set the size of wages at their discretion. Employers could reduce the earnings of female workers in accordance with their economic interests. The earnings of female workers also decreased because of fines, which were systematically applied at all factories and plants in the capital. But, in some enterprises, female workers could receive higher wages than men. The article also indicates the main expenses of the workers. The female workers spent most of their income on housing and food.

Key words: female workers, industry, St. Petersburg, budget, wages, fines, food, housing.

© Долинникова (Северцева) О.В., 2020

© Dolinnikova (Severtseva) Ol'ga V., 2020

Заработная плата являлась одной из основных, а иногда и единственной статьей доходов работниц промышленности Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. Архивные источники, а также работы исследователей различных периодов констатируют, что заработная плата женщин-работниц была значительно ниже заработка мужчин [1, л. 12; 2, с. 118; 3, с. 30; 4, с. 177; 5, с. 45]. Изучением этого вопроса большинство исследователей не занимались напрямую, но приводили данные о зарплате работниц, их расходах, описывая условия труда женщин на фабриках и заводах столицы. В дореволюционный период С.В. Бернштейн-Коган в своем исследовании «Численность, состав и положение петербургских рабочих» не только указывал размер заработной платы работниц, но и обратил внимание на то, что иногда работницы могли зарабатывать больше, чем мужчины, хотя это происходило только на некоторых предприятиях [2, с. 116–120]. А. Федоров считал, что женский труд составляет конкуренцию мужскому, снижая заработок как мужчин, так и женщин-работниц [6]. Врач М.И. Покровская исследовала бюджет работниц различных фабрик Санкт-Петербурга, установив их средний доход и расходы. Она указывала, что при такой низкой заработной плате и высоких ценах на жилье и питание женщины практически не могли позволить себе проводить досуг с пользой для своего физического и душевного здоровья [7]. А. Михаил установил, что при длительном рабочем дне, низкой заработной плате, плохом питании и отсутствии полноценного отдыха работницам было трудно сохранить свой организм здоровым [8]. Н.А. Кириллова отмечала, что с каждым годом на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга в пореформенное время появлялось все больше женщин, которые осваивали новые для себя, «мужские» профессии, чтобы получать более высокий доход [9, с. 294–300].

В работах советских авторов также содержатся сведения об уровне заработной платы работниц фабрик и заводов столицы, более низкой оплате труда по сравнению с заработком мужчин-рабочих и умении женщин крайне экономно расходовать свои небольшой доход [3; 10; 11].

Современные исследователи обращали свое внимание на то, что женский труд на фабриках оплачивался значительно ниже мужского. Ю.М. Иванов и С.В. Пронин указали на способы уменьшения размера заработной платы фабрикантами [12, с. 17], а И.В. Алферова отмечала, что сами рабочие-мужчины на промышленных предприятиях противодействовали получению равной или большей оплаты труда женщинами [13]. Среди современных авторов особо следует выделить большое исследование В.В. Волкова «„Дешево и сердито“. Рынок труда в Европейской России в конце XIX – начале XX в.», в котором подробно и нетривиально показано становление рынка труда как в аграрной сфере, так и в промышленном производстве. В.В. Волков указывал на то, что большое количество женщин, желающих работать на фабриках и заводах, действительно сбивали цену труда, соглашаясь на более низкий заработок. Ученый обращал внимание на то, что питание рабочих было крайне скудным, а также на то, что рабочие ошибочно предполагали, что заработную плату устанавливает фабричный инспектор, что приводило к негативному отношению работников промышленных предприятий к инспекторам [14]. Не менее важны и исследования иностранных авторов К. Transchel и В. Engel, которые указывали на то, что, хотя жилье работниц было крайне неблагоустроенным, они старались доступными им способами украсить его, сделать более уютным [15; 16]. Работы дореволюционных, советских и современных исследователей помогают получить достаточно полную информацию о бюджете работниц.

Целью данной статьи не является опровергнуть утверждение о более низком уровне заработной платы женщин-работниц фабрик и заводов столицы в пореформенное время. Данная статья направлена на решение следующих задач:

- выяснить причины более низкой оплаты труда женщин;
- определить, насколько уровень доходов работниц промышленности был ниже мужского;
- установить, могли ли работницы получать заработную плату равную или больше, чем мужчины-работники.

Прежде чем приступить к решению проблем, поставленных в данной статье, необходимо осветить главные затраты работниц. В силу более низкого заработка траты их также были существенно меньше. Но цены на все основные потребности и работниц, и рабочих были, естественно, идентичными. «Ежеле я, баба, проголодалась, – жаловалась одна из них (работниц – О.Д.) на рабочем митинге в 1905 г., – иду покупать себе, скажем, соленый огурец, то разве с меня полкопейки берут, а не ту же копейку, что с мужика?» [17, с. 231].

Основной статьей расходов и рабочих, и работниц были жилье и питание. Женщины старались сэкономить на всем. И у них это получалось значительно лучше, чем у мужчин. «Рабочих на фабриках, заводах и рудниках мужчин в 4–5 раз более (чем женщин – О.Д.), а книжек (сберегательных – О.Д.) выдано мужчинам – 244.183 и женщинам – 133.085 штук, т. е. менее, чем вдвое» [18].

Жилье. Женщины-работницы редко проживали одни, в основном это происходило, если работница была уже в преклонном возрасте и у нее не было семьи. Селились работницы в городе у своих подруг или знакомых. Снимали комнаты или проживали в общежитиях при фабриках.

Совместное проживание помогало решить сразу несколько проблем. Во-первых, сокращались расходы на жилье. Съемное жилье в

Санкт-Петербурге стоило очень дорого. За комнату в общежитии приходилось платить 3 р. 30 к., за угол в комнате – 3–6 р., за целую комнату – 7–8 р. [7, с. 72]. Во-вторых, питались жильцы, проживающие вместе, также за общим столом, что уменьшало и эти расходы. В-третьих, женщина-работница чувствовала себя более защищенной, проводя ночи и выходные дни в кругу если не родных, то хотя бы знакомых ей людей.

Жилье, как правило, было неблагоустроенным: душно, сыро, клопы... [15, р. 25; 6, с. 68]. В одной комнате проживало большое количество человек. Но, в отличие от мужчин-рабочих, женщины-работницы следили за чистотой своего жилья, пытались украсить его, сделать более уютным. На сэкономленные деньги женщины покупали занавески, постельное белье, предметы интерьера [19, с. 48; 16, р. 155–156].

Питание. Пища, которую употребляли работницы фабрик и заводов, была крайне скудной. «Низкая заработная плата, с одной стороны, и полное неудобство относительно распределения свободного от занятий времени, с другой, создают такие условия, при которых рассчитывать на здоровый, сытный и питательный стол нет никакой возможности» [8, с. 45]. Питание работниц было однообразным, редко в рационе присутствовали молочные и мясные продукты [14, с. 594–595]. Одна из комиссий, которая обсуждала бюджет рабочих, посчитала, что на питание женщины тратили около 10 р. в месяц [3, с. 35]. Но работницы могли питаться на 6–7 р., а иногда и на 3–4 р. в месяц [3, с. 35; 7, с. 72]. Конечно, при таком бюджете о полноценной, калорийной и здоровой пище им только оставалось мечтать. На все остальные потребности работницам оставалась совершенно незначительная сумма.

Размер заработной платы работниц. По утверждению М.И. Покровской, заработная плата женщин в 17–19 р. встречалась крайне редко. Все зависело от фабрики, на которой трудилась женщи-

на. «...бумагопрядильни и ткацкие (фабрики – О.Д.) оплачивают женский труд лучше других. Там чаще всего работница получает 17 руб. в месяц ...средний заработок женщин в этих производствах равняется 16 руб. 40 коп. в месяц. Затем следуют табачные фабрики – 14 руб. в среднем, коробочные, картонные и альбомные – 13 руб. 50 коп., конфетные – 13 руб ....на остальных – 8–9 руб.» [7, с. 70].

И если для женщин заработок в 17–19 р. в месяц считался достаточно высоким, то для мужчин такая заработная плата была лишь нижним порогом дохода. «По данным Министерства финансов за 1900 г., рабочие металлообрабатывающей промышленности зарабатывали в среднем 407,5 руб. в год, а на более крупных и требующих сложной квалификации предприятиях (в данном случае сталелитейных заводах) в среднем 445,3 руб. Средняя заработная плата в текстильной промышленности составляла 231,1 руб., на «Треугольнике» – 292,1 руб.» [10, с. 185–186]. Таким образом, средняя заработная плата мужчин в различных отраслях промышленности составляла от 19 до 37 р. в месяц, что для женщин-работниц являлось лишь предметом мечтаний.

Причины более низкой оплаты труда женщин

Низкоквалифицированный труд. На фабрике искусственной шерсти А.Ю. Гипплер в 1886 г. в таблице расценки задельной платы была сделана следующая запись: «Мужчины поступают на фабрику на месячное жалование или на поденную плату по обоюдному согласию от 50 коп. до 80 коп. в день; женщины поступают на поденную плату от 30 коп. до 40 коп. в день...» [20, л. 5]. То есть уже при приеме на работу женщинам устанавливалась более низкая ставка. Было ли это дискриминацией по половому признаку? Не совсем так.

Практически на всех предприятиях женщины выполняли несложную работу, которая не требовала специального обучения. На фабри-

ке искусственной пряжи и шерсти Авг. Рейса мужчины в день получали от 80 к. до 1 р. 40 к., женщины – 60 к. Но мужчины выполняли работу по обслуживанию машинного оборудования на предприятии, женщины работали сортировщицами, т. е. перебирали ткань, раскладывая ее по определенным типам.

На табачной фабрике Я.А. Боброва мужчины зарабатывали в месяц от 16 до 27 р., женщины – папиросные мастерицы работали сдельно, за каждую 1000 папирос им выплачивали 35 к. [21, л. 22; 22, л. 37 (брошюра), л. 22]. В среднем на табачных фабриках столицы женщины зарабатывали около 14 р. [23, с. 188]. Приблизительно такая же заработная плата была у мазальщиц бандеролей и укладчиц папирос. Вся эта работа не требовала особенных знаний, была чисто механической, не подразумевала специального обучения. Мужчины на этой фабрике работали слесарями, токарями, резальщиками папиросной бумаги, мастерами по ремонту и обслуживанию машинного оборудования. Конечно, их работа требовала не только определенных знаний, но и мастерства.

На фабрике Товарищества Российско-американской резиновой мануфактуры мужчины работали слесарями, токарями, закройщиками, лакировщиками. Закройщики получали ставку – 1 р. 90 к., лакировщики – 3 р. 24 к. Работа калошниц оплачивалась от 40 к. до 1 р. 01 к. за пару [11, с. 78]. Б.И. Шабалин утверждал, что работа закройщиков или лакировщиков «была не сложнее, чем у калошниц» [11, с. 78]. Но работа закройщиков и лакировщиков требовала особой выучки, тогда как труд калошниц был чисто механическим, хотя и нелегким.

В 1892 г. на ситценабивной фабрике Александро-Невской мануфактуры К.Я. Паля сторожа получали заработную плату 17–18 р. в месяц, сторожихи – 9–13 р. [24, л. 3]. Но мужчины-сторожа работали в ночные смены, тогда как женщины трудились только днем.

Снижение заработной платы на усмотрение работодателя. Многие фабриканты пользовались своим эксклюзивным правом на установление и изменение заработной платы по своему желанию. «На ситценабивной фабрике Акционерного общества мануфактур Воронина и К. (рабочие – О.Д.) враждебно настроены на понижение заработной платы и частое изменение расценок на заделные работы, что фабричная администрация делает в течение года несколько раз, с ведома фабричной инспекции» [25, л. 2]. Фабричные инспектора никак не могли повлиять на создавшуюся ситуацию. Их советы работодателям могли носить лишь рекомендательный характер. Но официальный статус размер заработной платы имел только после подписи фабричного инспектора. «В связи с тем, что законом было введено неизвестное для западных стран свидетельство табелей о зарплате фабричной инспекцией, то у малограмотных рабочих возникло предположение о том, что инспекция утверждала заработную плату» [26, с. 125]. Фабриканты могли также снижать размер заработка, не уведомляя об этом фабричную инспекцию и непосредственно работников. Например, в случае если приходил товар ненадлежащего качества, на обработку которого требовалось больше времени [12, с. 17]. Снижалась заработная плата работниц и за счет системы штрафов, которой активно пользовались фабриканты. И хотя все деньги, поступавшие от штрафов, должны были тратиться на нужды самих рабочих, в действительности происходило это не всегда [27]. Также фабриканты могли вычитать с работниц, как это было, например, на табачной фабрике Я.А. Боброва, «за пользование кипятком и приготовление кушанья» «с каждой мастерицы по 5 коп. в две недели» [22, л. 37 (брошюра), л. 22].

Снижение заработной платы за счет большого притока рабочей силы. С каждым пореформенным годом все большее количество женщин устремлялось в города в поисках заработка. На промышлен-

ных предприятиях столицы спрос на низкоквалифицированную рабочую силу был значительно ниже, чем предложение. Это позволяло работодателям устанавливать минимальные оклады, снижая и заработную плату мужчин. «...рабочие-мужчины жалуются, что женщины и подростки „цену сбили“ и на их работу» [14, с. 594]. Многие мужчины считали, что женский труд должен быть применен только в домашних условиях. «...женский труд составляет конкуренцию мужскому, понижая его цену и таким путем закабалая в работе постепенно всех членов рабочей семьи, нисколько не улучшая ее экономического положения» [6, с. 37]. Женщин, желающих получить работу на промышленных предприятиях столицы, с каждым годом становилось все больше, но многие фабриканты предпочитали заменять ручной труд машинным. При этом работницы просто увольнялись без каких-либо мер социальной поддержки. Так, на табачной фабрике А.Н. Богданова «хозяин фабрики купил слишком много папиросных машин» [23, с. 191]. Многие работницы остались без средств к существованию и голодали.

Уровень заработной платы женщин-работниц был ниже, чем у мужчин-рабочих, еще и по причине нежелания самих мужчин получать равную заработную плату с женщинами. «...введению равной оплаты часто противодействовали не только владельцы предприятий, но и мужчины-рабочие» [13, с. 358]. Например, на новопрядильной фабрике мужчины-рабочие обратились с просьбой к фабричному инспектору о злоупотреблениях начальства. Основной их претензией было то, что на хорошие станки, где можно получить «приличное месячное жалование», ставят работать именно женщин. «...женщины тем более набраны большей частью из них легкого поведения...» [28, с. 185–186].

Различие в оплате мужского и женского труда на промышленных предприятиях. «По данным, приведенным В. Леонтьевым (первые годы XX в.), средний дневной заработок 4 888 мужчин-текстильщиков

составлял 95,2 коп., а 6 397 женщин – 73,2 коп. Работницы получали на 30% меньше, чем рабочие-мужчины. Так было во всех без исключения отраслях производства» [10, с. 186]. Но цифры разницы между мужским и женским трудом на различных предприятиях также разнились. На табачной фабрике Я.А. Боброва заработок женщин был на 40 % меньше, чем у мужчин, на фабрике искусственной пряжи и шерсти Авг. Рейса разница в оплате доходила даже до 50 %. На фабрике Товарищества Российско-американской резиновой мануфактуры женщины получали заработную плату на 70 % и даже 90 % меньше, чем мужчины [21, л. 22; 1, л. 12; 11, с. 78].

Однако многие женщины (особенно молодые) понимали, что для получения более высокой заработной платы необходимо образование. «На наших глазах, за несколько последних лет, появилась женщина в типо-литографской деятельности. Даже в промышленности по обработке металлов – промышленности, казалось бы, совершенно недоступной женщине – уже началось первое робкое наступление женского труда: при изготовлении изделий из жести, на фабриках американских петель и скоб, на эстампных и гвоздильных заводах – уже есть женщины...» [9, с. 295]. И, действительно, женщины, которые освоили навыки мастерства, могли получать равную или даже большую заработную плату, чем мужчины.

Случаи равной или большей заработной платы женщин. На ситценабивной фабрике Александро-Невской мануфактуры К.Я. Паля мужчины и женщины ткачи при сдельной работе получали заработок от 15 до 25 р. [24, л. 3]. М.И. Покровская, изучая заработок женщин, отмечала, что одна из девушек 19 лет зарабатывала 25 р. в месяц, работая на дерутовой фабрике [7, с. 72]. В. Леонтьев описывал «случай равенства заработка мужчин и женщин на одной ткацкой фабрике с 684 станками» [2, с. 116]. С.В. Бернштейн-Коган зафиксировал, что в

1901–1902 гг. на Второй фабрике общества Российско-американской резиновой мануфактуры женщины моложе 21 года в среднем зарабатывали больше мужчин [2, с. 118].

Таким образом, средняя заработная плата женщин-работниц фабрик и заводов столицы во второй половине XIX – начале XX в. могла быть ниже мужского заработка на 30–90 %. При этом цены на жилье, питание, одежду и другие потребности для рабочих и работниц были совершенно идентичными.

Средний заработок работниц промышленных предприятий составлял 17–19 р. в месяц, максимальный – доходил до 25 р. У мужчин-рабочих заработок мог достигать до 37 р. в месяц. Причиной более низкой оплаты труда работниц не являлась их дискриминация по половому признаку, хотя многие мужчины-рабочие были против того, чтобы женщины получали заработную плату наравне с ними.

Основной причиной более низкого заработка женщин являлось то, что они на фабриках выполняли самую низкоквалифицированную работу. Такой труд оплачивался значительно ниже работы профессиональных мастеров. Работодатели могли по своему усмотрению понижать заработную плату, и на это решение не могли повлиять органы власти. Кроме того, предложение на неквалифицированную рабочую силу превышало спрос на нее, что позволяло фабрикантам устанавливать минимальную оплату труда, исходя из своих экономических интересов.

Однако женщины, владея определенной профессией, могли зарабатывать наравне с мужчинами или даже больше их. Конечно, в сталелитейной или металлургической отраслях промышленности женщины встречались крайне редко, но постепенно, с ростом образования и самосознания, женщины осваивали новые для них профессии в своем стремлении иметь более достойную жизнь.

Список литературы

1. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СПб.). Ф. 1229. Оп. 1. Д. 47.
2. Бернштейн-Коган С.В. Численность, состав и положение петербургских рабочих: опыт статистических исследований //Тр. студентов эконом. отдела Санкт-Петерб. политехн. ин-та императора Петра Великого, № 4. – СПб.: Петерб. политехн. ин-т им. Петра Великого, 1910. – 188 с.
3. Сукновалов А.Е., Фоменков И.Н. Фабрика «Красное знамя»: очерки истории Ленинградской государственной ордена Ленина трикотажно-чулочной фабрики «Красное знамя». 1855–1967. – Л.: Лениздат, 1968. – 448 с.
4. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л.: Наука, 1976. – 300 с.
5. Ташбекова И.Ю. Правовые основы трудовой деятельности женщин Российской империи конца XIX в. // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1. – С. 44–49.
6. Федоров А. Фабричное законодательство цивилизованных государств. О работе малолетних и женщин на фабриках. – СПб.: Тип. Георга Дюнтца, 1884. – 410 с.
7. Покровская М.И. Условия жизни петербургской фабричной работницы // Жен. вестн. – 1903. – № 3. – С. 70–76.
8. Михаил А. Женщина-работница. – СПб.: Тип. Монтвида, 1906. – 48 с.
9. Кириллова Н.А. Женщина-работница в крупной промышленности // Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге 10–16 декабря 1908 г. – СПб., 1909. – 927 с.
10. История рабочих Ленинграда. Том первый. 1703 – февраль 1917. – Л.: Наука, 1972. – 556 с.
11. Шабалин Б.И. Фабрика на Обводном: очерк истории завода «Красный треугольник». Книга первая. 1860–1917. – Л.: Лениздат, 1949. – 340 с.
12. Иванов Ю.М., Пронин С.В. На пути свержения царизма. – М.: Карпов, 2004. – 52 с.
13. Алферова И.В. 1917 г. в России: большевизм и феминизм в условиях социальной активности женщин-работниц // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – № 11 (79). – С. 355–360.
14. Волков В.В. «Дешево и сердито». Рынок труда в Европейской России в конце XIX – начале XX в. – СПб.: Политехника-принт, 2016. – Ч. I. – 640 с.
15. Transchel K. Under the influence: Working-class drinking, temperance and Cultural revolution in Russia, 1895–1932. – Pittsburg, 2006. – 224 p.
16. Engel B. Between the fields and the city: women, work, a family in Russia, 1861–1914. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. – 254 p.
17. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. – М.: РОССПЭН, 2004. – 614 с.
18. Мир женщины. – СПб., 1912. – № 4.
19. Северцева О.В. Досуг в повседневной жизни работников промышленных предприятий Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Вып. 8. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 46–51.
20. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Д. 307.
21. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 77.
22. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 43.

23. Северцева О.В. Работницы табачных фабрик Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // Российские региональные сообщества накануне великих потрясений: идеологические конструкты и культурные практики: материалы междунар. науч.-теор. семинара в Казан. гос. архитектур.-строит. ун-те (КазГАСУ). – Казань, 2016. – № 7. – С. 186–193.

24. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 7.

25. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 333.

26. Волков В.В. Правовое обеспечение рынка труда в промышленности России в конце XIX в. // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2016. – № 2. – С. 120–129.

27. Северцева О.В. Женщины и система штрафов на фабриках и заводах столицы во второй половине XIX – начале XX в. // Ист. повседневности. – 2016. – № 1. – С. 77–84.

28. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 135.

References

1. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (CGIA SPb.)* [Central state historical archive (CSHA St. Petersburg)]. F. 1229. Op. 1. D. 47.

2. *Bernshtejn-Kogan S.V. Chislennost', sostav i polozhenie peterburgskih rabochih. Opyt statisticheskikh issledovanij (Trudy studentov Jekonomicheskogo otdela Sankt-Peterburgskogo politehnicheskogo instituta imperatora Petra Velikogo; № 4)* [Number, structure and position of the St. Petersburg workers. Experience of statistical researches.] – St. Petersburg: St. Petersburg polytechnical institute of Peter the Great, 1910. – 188 p.

3. *Suknovalov A.E., Fomenkov I.N. Fabrika «Krasnoe znamja». Oчерki istorii Leningradskoj gosudarstvennoj ordena Lenina trikotazhno-chulochnoj fabriki «Krasnoe znamja». 1855–1967* [Factory "Red Flag." Studies in the History of the Leningrad State Order of Lenin, the knitted hosiery factory "Red Flag." 1855-1967]. – Leningrad: Lenizdat. 1968. – 448 p.

4. *Kruze Je.Je. Polozhenie rabocheho klassa Rossii v 1900-1914 gg.* [The provision of working class of Russia in 1900–1914]. – Leningrad: Nauka. 1976. – 300 p.

5. *Tashbekova I.Ju. Pravovye osnovy trudovoj dejatel'nosti zhenshhin Rossijskoj imperii konca XIX v.* [The legal basis for the labor activity of women in the Russian Empire at the end of the 19th century] // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law]. – 2009. – P. 44–49.

6. *Fedorov A. Fabrichnoe zakonodatel'stvo civilizovannyh gosudarstv. O rabote maloletnih i zhenshhin na fabrikah* [Factory legislation of civilized states. On the work of minors and women in factories]. – SPb: tipografija Georga Djuntca [St. Petersburg: printing house of Georg Dyuntz], 1884. – 410 p.

7. *Pokrovskaja M.I. Uslovija zhizni peterburgskoj fabrichnoj rabotnicy* [Living conditions of the St. Petersburg factory worker] // *Zhenskij vestnik*. [Female messenger.] – 1903. – №3. – P. 70–76.

8. *Mihail A. Zhenshhina-rabotnica* [Woman worker]. – SPb.: Tip. Montvida [SPb.: Tip. Montvida], 1906. – 48 p.

9. *Kirillova N.A. Zhenshhina-rabotnica v krupnoj promyshlennosti* [A female worker in large-scale industry] // *Trudy Pervogo Vserossijskogo zhenskogo s'ezda pri Russkom zhenskom obshhestve v S.-Peterburge 10-16 dekabrya 1908 goda* [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress at the Russian Women's Society in St. Petersburg on December 10–16], 1908. – SPb., 1909. – 927 p.

10. *Istorija rabochih Leningrada. Tom pervyj. 1703 – fevral' 1917* [History of workers of Leningrad. Volume first. 1703 – February, 1917]. – Leningrad: Nauka, 1972. – 556 p.

11. *Shabalin B.I. Fabrika na Obvodnom. Ocherk istorii zavoda Krasnyj Treugol'nik. Kniga pervaja. 1860–1917* [Fabrik on Bypass. Sketch of history of plant Red Triangle. Book the first. 1860–1917]. – Leningrad: Lenizdat, 1949. – 340 p.

12. *Ivanov Yu.M., Pronin S.V. Na puti sverzheniya tsarizma* [On the way of overthrow of tsarism]. – M.: Carps, 2004. – 52 p.

13. *Alferova I.V. 1917 g. v Rossii: bol'shevizm i feminizm v uslovijah social'noj aktivnosti zhenshhin-rabotnic* [1917 in Russia: Bolshevism and Feminism in the Conditions of Social Activity of Women Workers] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. – 2009. – № 11(79). – P. 355–360.

14. *Volkov V.V. «Deshevo i serdito». Rynok truda v Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX v.* [Cheap and cheerful. «Labor market in European Russia in the late 19th – early 20th centuries»]. – SPb: Politehnika-print, 2016. – Part I. – 640 p.

15. *Transchel K. Under the influence: Working-class drinking, temperance and Cultural revolution in Russia, 1895–1932.* – Pittsburg, 2006. – 224 p.

16. *Engel B. Between the fields and the city: women, work, a family in Russia, 1861–1914.* – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. – 254 p.

17. *Stajts R. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nihilizm i bol'shevizm. 1860–1930* [Women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and Bolshevism. 1860–1930]. – Moscow: ROSSPJeN, 2004. – 614 p.

18. *Mir zhenshchiny* [World of the woman]. – SPb., 1912. No. 4.

19. *Severceva O.V. Dosug v povsednevnoj zhizni rabotnic promyshlennyh predpriyatij Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Leisure in everyday life of workers of the industrial enterprises of St. Petersburg in the second half of XIX – the beginning of the 20th century]. *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. Vyp. 8* [Capital and the province: relationship of the center and regions in the history of Russia: materials of Vseros. науч. конф. with междунар. participation]. – SPb., 2017. – P. 46–51.

20. *CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 307.*

21. *CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 77.*

22. *CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 43.*

23. *Severceva O.V. Rabotnicy tabachnyh fabrik Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Workers of the tobacco factories of St. Petersburg in the second half of the 19th – early 20th centuries] // *Rossijskie regional'nye soobshhestva nakanune velikih potrijasenij: ideologicheskie konstrukty i kul'turnye praktiki: Materialy konferencii Kazanskij gosudarstvennyj arhitekturno-stroitel'nyj universitet (KazGASU)* [Russian regional communities on the eve of great upheavals: ideological constructs and cultural practices: Materials of the conference in the “Kazan State University of Architecture and Civil Engineering” (KazGASU)]. – Kazan, 2016. – No. 7. – P. 186–193.

24. *CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 7.*

25. *CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 333.*

26. *Volkov V.V. Pravovoe obespechenie rynka truda v promyshlennosti Rossii v konce XIX v.* [Legal support of the labor market in the industry of Russia at the end of the XIX century] // *Gosudarstvennyj audit. Pravo. Jekonomika* [State audit. Right. Economy]. – 2016. – No. 2. – P. 120–129.

27. *Severceva O.V. Zhenshhiny i sistema shtrafovanija na fabrikah i zavodah stolicy vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Women and the system of fining at factories and the plants of the capital in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries] // *Istorija povsednevnosti* [Daily occurrence History]. – 2016. – №1. – P. 77–84.

28. *CGIA SPb. F. 1229. Op. 1. D. 135.*

А.М. Семёнов

«Что же нам делать?»: профессиональные трудности прачки-поденщицы в России в конце XIX – начале XX в.*

В данной статье рассматриваются профессиональные и жизненные трудности, с которыми сталкивались прачки-поденщицы в России в конце XIX – начале XX в., и влияние их работы на жизнь. Автор выделяет пять неблагоприятных «спутников» повседневности прачки: 1) условия, в которых приходилось работать (грязные, сырые, невентилируемые помещения или открытый водоем); 2) хронические болезни (тиф, ревматизм, экземы, сифилис, холера и т. д.); 3) низкая заработная плата; 4) тяжелые бытовые условия; 5) безразличное отношение общества к прачке как к личности и работнику. В связи с этим, подводя итог и отвечая на вопрос «Что же им делать?» на основании приведенных статистических данных, исследователь приходит к выводу, что алкоголизм и проституция становятся неотъемлемой частью большинства представительниц этой профессии. Алкоголь – средство «самозабвения», «побега» от проблем. А проституция казалась на фоне их жизни значительно более легкой и экономически выгодной работой.

Ключевые слова: прислуга, прачка-поденщица, алкоголизм, проституция, профессиональные заболевания, условия быта и труда.

Aleksei M. Semenov

"What should we do?": professional difficulties of a day-laborer laundress in Russia at the end of the XIX – early XX centuries

This article examines the professional and life difficulties faced by a day-laborer laundress in Russia in the late XIX – early XX century, and the impact of their work on life. The author identifies five unfavorable "satellites" of their daily life: 1. the conditions in which they had to work (dirty, damp, unventilated premises or open water); 2. chronic diseases (typhoid, rheumatism, eczema, syphilis, cholera, etc.); 3. low wages; 4. low-quality living conditions; 5. society's indifferent attitude to the "laundress" as a person and employee. In this regard, summing up and answering the question "What should they do?", based on the statistical data presented, the researcher concludes that alcoholism and prostitution become an integral part of the majority of representatives of this profession. Alcohol was a means of "self-forgetfulness", "escape" from problems. And prostitution in this case was an illusion of "easier" and more economically profitable work.

Key words: servant, day-laborer laundress, alcoholism, prostitution, occupational diseases, living and working conditions.

© Семёнов А.М., 2020

© Semenov Aleksei M., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

Широко обсуждаемым вопросом современной историографии представляется тема трудовой повседневности и быта прислуги [1]. Одним из основных исследователей этого направления является В.А. Веретенко. Более пятнадцати её статей посвящены вопросам статуса прислуги, условиям ее труда, организации семейно-бытовых отношений и личным историям [см. напр.: 2–3]. Различные аспекты девиантного поведения разной категории женской прислуги затрагиваются, помимо трудов В.А. Веретенко, также в работах Е.В. Бурлуцкой (Банниковой), Н.Б. Лебиной, Ю.Е. Карпухиной [4–7]. Указывая на тяжелейшие условия труда, исследователи отмечают, что «многие девушки, недовольные низкой оплатой труда, условиями жизни и жестоким обращением со стороны хозяев уходили в проститутки» [4, с. 347].

Опираясь на статистические материалы, доклады профессиональных съездов, воспоминания и художественную литературу, автор анализирует трудовую деятельность прачек-поденщиц в России в конце XIX – начале XX в. и показывает ее влияние на их жизнь.

«Тяжелый непосильный труд для прачки-поденщицы. 13-часовое согбенное положение в сырой парной прачечной, над грязной лоханкой, наполненной щелоком и вонючей водой или полоскание белья на речном плоту, при 20 градусном морозе – труд каторжный. И за весь этот каторжный труд... 35, 40 копеек в день и какие-то харчи. Результатом трудового дня бывают: разъеденные щелоком и растрескавшиеся руки, ломота в спине, воспаление глаз; валовым результатом: ревматизм, горячка, тиф» [8, с. 166] – так может начинаться любая история женщины, работающей прачкой.

Действительно, жизнь прачки была связана с невыносимыми условиями труда, в которых приходилось работать, «сени...под грязной лестницей, стала спускаться вниз, в какую-то черную яму, веду-

щую в подвал. В подвале среди облаков пара, поднимавшегося из лоханки, занимавшее почетное место у плиты. Только плеск воды, шум полоскавшегося белья и громкое сопение, говорили о присутствии там прачки... Над плитой тускло горела мерцающим светом керосиновая лампочка» [9, с. 73–74]. Сырость рабочих помещений нередко приводила к обрушениям домов. «Катастрофа в прачечной. Обвалился потолок в прачечной на Охте» [10, с. 5], «Катастрофа в прачечной на Симбирской улице... рухнул потолок в одноэтажной постройке занятой прачечной, придавив, к счастью, не до смерти, пятерых прачек» [11, с. 7], «... дом № 2 по Серпуховской улице... В углу, направо от ворот, в нижнем этаже, произошла ужасная драма, стоившая жизни трем несчастным женщинам. Первое, что бросается в глаза тут, во дворе, у окон прачечной, – это огромная рельсовая балка, согнувшаяся чуть не до прямого угла... Несчастные жертвы катастрофы находятся в мертвецкой Обуховской больницы» [12, с. 1]. Даже в прачечных, подключенных к водопроводу, а тем более не оснащенных такими благами цивилизации, полоскать белье ходили к реке. В зимнее время процесс был таким: сначала стирка белья в горячей воде в очень жарком помещении прачечной, а потом полоскание – «по-старинному, на льду проруби» [13, с. 603; 14].

Хронические болезни были вторым «спутником» прачки. Женщины заболевали тифом, ревматизмом, от стирки зараженного белья – сапом или сифилисом, на руках были экземы от щелока, пота [15; 16, с. 112] или дешевого мыла. «Мыло непрерывно дорожает и достать хорошее мыло с каждым днем становится труднее. Немудрено, что, когда в лавках «Кооперации» [Москва] появилось мыло, продающееся по «божеским» ценам, его стали разбирать нарасхват. Но горько было разочарование всех, приобретших мыло. Бедные женщины сами, а у богатых прачки, увидели, что стирать этим мылом невозможно. Через

20–60 минут стирки руки начинали трескаться и мыло почти не размыливается. Оказалось, что в мыле есть какой-то вредный состав» [17]. Если прачки работали подолгу, то «у одних из них влияние профессионального ремесла ограничивается разбуханием лишь кожицы и омолоделостей на характерных местах, или же только шелушением, у других работниц каждая стирка вызывает трещины и долго длящуюся экзему кистей рук, из-за которой прачки вынуждены бросать эту работу» [15, с. 351, 464, 472]. Главным методом лечения по совету врачей было, «чтобы прачка не мочила себе рук» [18]. Именно прачки одними из первых заражались во время эпидемий, так как постоянно контактировали с водой. «Прачка заболела холерой, ежедневно стирала белье в зелено-гнилостных водах Ташани. Прачка эта никуда не выезжала, никто к ней из зараженных местностей не приезжал... Через 5 дней заболевшая скончалась» [19, с. 1641]. Говоря о холере, стоит отметить, что по статистике прислуга была на втором месте по количеству заболевших [20, с. 565].

Третьим фактором, усугубляющим положение, были жилищные условия, к примеру, снять в Москве ночлежную квартиру на ночь без подушки обходилось 3 к., а с подушкой – 5 к. И даже этих денег из-за факторов, перечисленных выше, было тяжело заработать, в любой момент можно было оказаться на улице. «Прачка, женщина лет 30, белокурая, тихая и благородная, но болезненная. Снимала ночлежную квартиру... Каждую ночь она кашляла, тем самым мешая жильцам спать. Она всё реже и реже могла ходить на работу – сил не хватало, и потому не могла выплачивать хозяйке. За ней скопился долг 6 гривен, и жильцы жаловались на перхоту прачки – хозяйка ей отказала от квартиры. Но выгнать она её не смогла. „Куда же я пойду?“ – говорила прачка. На третий день любовник хозяйки, человек московский и знающий порядки и обхождения, пошел за городовой. Городовой... при-

шел в квартиру и, учтиво приговаривая приличные слова, вывел прачку на улицу... Прачка пошла на паперть к церкви, так как ей некуда было идти, вечером она снова пошла в „свой дом“, по дороге поскользнулась и упала. Прошел один, прошел другой человек. „Должно, пьяная“. Прошел ещё человек и спотыкнулся на прачку и сказал дворнику: „Какая-то у вас пьяная в воротах валяется, чуть голову себе не проломил через неё; уберите вы её, что ли!“ Дворник пошел. Прачка умерла» [21, с. 299–300]. Бедность, безысходность, отчаяние и безразличие окружающих – вот, по сути, что сопровождало каждый день прачки. При таких условиях ее дом не мог стать для них «крепостью».

Выходом из такого положения могли быть алкоголизм или проституция. А.Д. Суздальский в своём докладе «К вопросу о влиянии алкоголизма на частоту поступлений с алкогольными психозами в психиатрические заведения в России» среди женщин-алкоголиков на первое место ставит проституток, на второе – прачек. Объясняет он это тем, что «домашние работы для женских сил так же трудны, как тяжелые работы для мужских сил... а если принять во внимание бесправное положение женщины, ее подчиненность, беременность, роды, период кормления, женские болезни, то женщина имела бы, мне кажется, больше прав прибегать к спиртным напиткам» [22, с. 148–149]. Алкоголь здесь выступает как средство «самозабвения», «побега» от проблем.

Что касается проституции, то считалось, что «более тяжелый и менее оплачиваемый труд как бы больше толкает к промыслу развратом». Среди проституток были бывшие работницы: одной прислуги – 36,5 %, прачек – 7,0 %, горничных – 5,0 %, кухарок – 4,0 %, поденщиц – 2,7 %, нянек – 1,7 % [23, с. 5]. Первым доказательным критерием была заработная плата: «прислуга получает от 5 до 12 руб. в месяц при хозяйском столе..., прачка по 60 коп. в день, при случайной работе, а в

месяц 6 р. на хозяйском столе и 15 р. на всем своем» [23, с. 5]. В среднем нанять прачку-поденщицу для стирки можно было от 50–70 к. в день. За эти деньги они могли и гладить, но «крахмалить не брались». Если они стирали поштучно, то цены были следующие: «крахмальная рубашка (со стиркой и глаженьем) 15 к., ночные мужская и женская по 5 к., простыня 5 к., мелочь и наволочки по 3 к., кителя по 20 к.» [24, с. 39]. Второе – это период их «правильного» труда, у прачек он составлял, примерно, 3,5 года [25, с. 142]. Третье – продолжительность рабочего дня, который длился с 6 ч. утра и до 8 – 9 ч. вечера, а то и позже, и стабильность работы [25, с. 142; 14]. Из трудов «Первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами» видно, что возраст, в котором данная группа начинала заниматься проституцией, колебался от 13 лет до 25 лет (в среднем 19 лет). Нахождение в этом статусе могло быть как от 2 месяцев, так и до 18 лет. Почти во всех ответах опрошенных были «жалобы на тяжелый изнурительный труд, частое неимение работы и неуверенность за завтрашний день». Большая часть женщин обратились к проституции из-за нужды, как в стихотворении В.Я. Брюсова «Полно мне считаться прачкой! // Я уйду на долгу ночь. // Полюблюсь на тротуаре // Я богатому купцу // ... // Будут серьги, будет брошка, // Будут деньги в портмоне [26, с. 284]». Но были случаи, когда действовали уговоры сводней и хозяек заведений, подруг, мужчин и насильная продажа [25, с. 142].

Подводя итог, можно сделать вывод, что низкая зарплата, «каторжные», даже крайне опасные условия труда, тяжелейшие кожные и иные заболевания, отсутствие стабильного места проживания и сопереживания у общественности накладывали сильный отпечаток на жизнь прачки-поденщицы. Такое крайне безысходное положение толкало женщин либо снять накопившееся напряжение и усталость алкоголем, либо сменить род деятельности – податься в проститутки. Про-

ституция в этом случае была иллюзией «легкой» и экономически выгодной работой. Экономист П.И. Георгиевский считал, что проблема перехода в проститутки была бы решена, если бы поденно работающая прачка получала в рабочие дни такую зарплату, которая давала бы ей возможность существовать в те дни, когда она не смогла найти себе работы [27, с. 71].

Список литературы

1. Самарина Л.А. Российская прислуга второй половины XIX в. в современной историографии // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 6. – С. 105–113.
2. Веременко В.А. «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2019. – № 2. – С. 320–354.
3. Веременко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Адам и Ева: альм. гендер. ист. – 2013. – № 3. – С. 265–268.
4. Веременко В.А. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Память о прошлом: материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвящ. 100-летию революции 1917 г. в России. – Самара, 2017. – С. 344–349.
5. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «...Прислуга, крайне здесь избалованная, живёт по-своему». Домашние работницы в провинции пореформенной эпохи // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. – 2018. – № 4. – С. 77–86.
6. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). – М.: Прогресс-Академия, 1994. – С. 40–59.
7. Карпущина Ю.Е. Проституция среди женской домашней прислуги в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – Вып. 7. – С. 101–105.
8. Лейкин Н.А. Повести и рассказы и драматические сочинения. Прачка поденщица. – СПб.: Изд. книга продавца К.Н. Плотникова, 1871. – С. 166–183.
9. Затравленные. Повесть Марии Конопницкой / пер. с пол. Ю.О. Якубовский. – М.: Тип. торг. дома А. Печковский, П. Буланже и Ко, 1906. – 159 с.
10. Петербургский листок. – 1903. – 16 февраля. – № 46.
11. Петербургский листок. – 1902. – 17 марта. – № 74.
12. Петербургский листок. – 1904. – 31 мая. – № 148.
13. Доклады Тульской губернской земской управы XXXV очередному губернскому земскому собранию. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1900. – 623 с.
14. Веременко В.А. Городские прачки в России во второй половине XIX – начале XX в.: организация деятельности и условия труда // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 11. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. – 332 с.
15. Поспелов А.И. Руководство к изучению кожных болезней для врачей и студентов. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1905. – 653 с.
16. Мезерницкий П.Г. От теории к жизни. – СПб.: Образование, 1911. – 152 с.

17. Дешевое мыло // Трудовая копейка. – 11 января (29 декабря) 1917. – URL: <http://starosti.ru/article.php?id=53075> (дата обращения: 02.11.2019).
18. Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне. – М.: Правда, 1986. – URL: https://statehistory.ru/books/V--V--Veresaev_Zapiski-vracha--Na-yaponskoj-vojne-/1 (дата обращения: 15.03.2020).
19. Полтавские епархиальные ведомости. – 1910. – № 25.
20. Санкт-Петербургское городское общественное управление в 1894 г. Ч. 2. – СПб.: б.и., 1895. – 985 с.
21. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 25. Произведения 1880-х гг. [Электронный ресурс] = Oeuvres complètes / под общ. ред. В.Г. Черткова. – М.: РГБ, 2006. – 914 с.
22. Суздальский А.Д. К вопросу о влиянии алкоголизма на частоту поступлений с алкогольными психозами в психиатрические заведения в России. – СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1912. – 168 с.
23. Федоров А.И. Позорный промысел. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1901. – 16 с.
24. Круглов А.В. Спутник для идущих на старорусские минеральные воды. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1895. – 88 с.
25. Труды первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, проходившего в Санкт-Петербурге с 21 по 1910 г. Т. I. – СПб.: Тип. СПб. одиночной тюрьмы, 1911. – 334 с.
26. Брюсов В.Я. Сочинения. Девичья. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005434470/viewer/?page=259 (дата обращения: 02.05.2020).
27. Георгиевский П.И. Политическая экономия. – Т. 2. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1904. – 321 с.

References

1. Samarina L.A. *Rossijskaya prisluga vtoroj poloviny XIX veka v sovremennoj istoriografii* [Russian servants of the second half of the XIX century in modern historiography] // *Gumanitarnyj vector* [Humanitarian vector]. – 2019. – Т. 14. – № 6. – P. 105–113.
2. Veremenko V.A. «*Bezvlastnaya vlast'*»: *status zhenskoj domashnej prislugi v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* ["Powerless power": the status of female domestic workers in Russia in the second half of the XIX – early XX century] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Istoriya Rossii»* [Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series "History of Russia"]. – 2019. – № 2. – P. 320–354.
3. Veremenko V.A. «*Dura v dome*» – *zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskix sem'ях Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* ["Fool in the house" - female domestic servants in Russian noble families of the second half of the XIX-early XX century] // *Adam i Eva. Al'manah gendernoj istorii* [Adam and Eve. Almanac of gender history]. – 2013. – № 3. – P. 265–268.
4. Veremenko V.A. *Zhenskaya domashnyaya prisluga v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: sostoyanie zdorov'ya i faktory professional'noj zabolevaemosti* [Female domestic workers in Russia in the second half of the XIX – early XX century: health status and factors of occupational morbidity] // *Pamyat' o proshlom: materialy i doklady VI istoriko-arhivnogo foruma, posvyashch. 100-letiyu Revolyucii 1917 g. v Rossii* [Memory of the past: materials and reports of the VI historical and archival forum, vol. 100th anniversary of the Revolution of 1917 in Russia]. – Samara, 2017. – P. 344–349.
5. Burluckaya (Bannikova) E.V. «*...Prisluga, krajne zdes' izbalovannaya, zhivot po-svoemu*». *Domashnie rabotnicy v provincii poreformennoj epohi* ["...The servants,

extremely spoiled here, live in their own way." Domestic workers in the province of the post-reform era] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pe-dagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg state pedagogical University]. – 2018. – № 4. – P. 77–86.

6. *Lebina N.B., SHkarovskij M.V. Prostituciya v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.)* [Prostitution in St. Petersburg (40s of the XIX century – 40s of the XX century.)]. – Moscow: Progress-Akademiya, 1994. – P. 40–59.

7. *Karpuhina YU.E. Prostituciya sredi zhenskoj domashnej prislugi v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Prostitution among female domestic workers in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century] // *Modernizaciya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Modernization in Russia: history, politics, education]. – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. – Vyp. 7. – P. 101–105.

8. *Lejkin N.A. Povesti i rasskazy i dramaticheskie sochineniya. Prachka podenshchica* [Novellas and short stories and dramatic works. Laundress- day laborer]. – St. Petersburg: izd. kniga prodavca K.N. Plotnikova, 1871. – P. 166–183.

9. *Zatravlennye. Povest' Marii Konopnickoj* [Harried. The Story of Maria Konopnitska] / S pol'skogo perevel YU.O. YAkubovskij. – Moscow: tip. trgovogo doma A. Pechkovskij, P. Bulanzhe i Ko, 1906. 159 p.

10. *Peterburgskij listok* [St. Petersburg sheet]. – 1903. – 16 fevralya. – № 46.

11. *Peterburgskij listok* [St. Petersburg sheet]. – 1902. – 17 marta. – № 74.

12. *Peterburgskij listok* [St. Petersburg sheet]. – 1904. – 31 maya. – № 148.

13. *Doklady Tul'skoj Gubernskoj Zemskoj Upravy XXXV ocherednomu Gubernskomu zemskomu sobraniyu* [Reports of the Tula Provincial Zemstvo Council to the XXXV regular Provincial Zemstvo Assembly]. – Tula: tip. I.D. Fortunatova, 1900. 623 p.

14. *Veremenko V.A. Gorodskie prachki v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: organizaciya deyatelnosti i usloviya truda* [Urban laundresses in Russia in the second half of the XIX – early XX century: organization of activities and working conditions] // *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii* [Capital and provinces: the relationship of the center and regions in the history of Russia]: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. V.V. Karpova. Vyp. 11. – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2020. – 332 p.

15. *Pospelov A.I. Rukovodstvo k izucheniyu kozhnyh boleznej dlya vrachej i studentov* [Guide to the study of skin diseases for doctors and students]. – Moscow: tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K., 1905. – 653 p.

16. *Mezernickij P.G. Ot teorii k zhizni* [From theory to life]. – St. Petersburg: Obrazovanie, 1911. 152 p.

17. *Deshevoe mylo* [Cheap soap] // *Trudovaya kopejka* [Labor kopeck]. – 11 yanvarya (29 dekabrya) 1917. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=53075> (data obrashcheniya 02.11.2019).

18. *Veresae V.V. Zapiski vracha. Na yaponskoj vojne* [Doctor's notes. In the Japanese war]. – Moscow: Pravda, 1986. URL: https://statehistory.ru/books/V--V--Veresaev_Zapiski-vracha--Na-yaponskoy-voyne-/1 (data obrashcheniya 15.03.2020).

19. *Poltavskie eparhial'nye vedomosti* [Poltava diocesan Gazette]. – 1910. – № 25.

20. *Sankt-Peterburgskoe gorodskoe obshchestvennoe upravlenie v 1894 g* [Saint Petersburg city public administration in 1894]. CH. 2. – St. Petersburg: b.i., 1895. – 985 p.

21. *Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. T. 25. Proizvedeniya 1880-h godov [Elektronnyj resurs] = Oeuvres complètes / pod obshch. red. V.G. CHertkova. – Moscow: RGB, 2006. – 914 p.

22. *Suzdal'skij A.D. K voprosu o vliyanii alkogolizma na chastotu postuplenij s alkogol'nymi psihozami v psihiatricheskie zavedeniya v Rossii* [On the influence of alcoholism on the frequency of admission to psychiatric institutions with alcoholic psychoses in Russia]. – St. Petersburg: tip. V.YA. Mil'shtejna, 1912. – 168 p.

23. *Fedorov A.I. Pozornyj promysel* [The infamous fishing]. – St. Petersburg: tip. St. Petersburg gradonachal'stva, 1901. – 16 p.

24. *Kruglov A.V. Sputnik dlya idushchih na starorusские mineral'nye vody* [Satellite for going to the old Russian mineral waters]. – St. Petersburg: tip. A.S. Suvorina, 1895. – 88 p.

25. *Trudy pervogo vsrossijskogo s'ezda po bor'be s torgom zhenshchinami i ego prichinami, prohodivshego v Sankt-Peterburge s 21 po 1910 g.* [Proceedings of the first all-Russian Congress on combating trafficking in women and its causes, held in St. Petersburg from 21 to 1910.]. – T. I. – St. Petersburg: tip. St. Petersburg Odinochnoj tyur'my, 1911 g. – 334 p.

26. *Bryusov V.YA. Sochineniya. Devich'ya* [Essays. Girlish]. P. 284. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005434470/viewer/?page=259 (data obrashcheniya: 02.05.2020).

27. *Georgievskij P.I. Politicheskaya ekonomiya* [Political economy]. – T. 2. – St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma, 1904. – 321 p.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 373(091)(470)(=112.2)"1920/1930"

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

Ж.А. Сержанова

Языковые вопросы российских немцев в историческом аспекте

Данная статья посвящена языковым вопросам российских немцев в историческом аспекте, а именно условиям создания национальных школ и становлению системы образования в 1920–1930 гг., т. е. в период национально-языкового строительства. В статье рассматриваются как вопросы материального обеспечения национальных школ (отсутствие педагогических кадров, учебников, помещений, средств на содержание этих помещений), так и новые веяния идеологического характера, навязывающие разного рода идейные установки не только учителям, но и населению. Особое внимание уделяется вопросам надзора за деятельностью договорных школ со стороны местных отделов образования, а также религиозному характеру преподавания. Школа оказалась в каком-то «языковом распутье», не было взвешенного и справедливого баланса языков ни в их изучении, ни в использовании в качестве языка преподавания.

Ключевые слова: национальная школа; язык; национальная политика; школьное образование; педагогический состав; российские немцы; национально-языковое строительство; религиозный характер преподавания.

Zhanna A. Serzhanova

Language issues of Russian Germans in the historical aspect

This article deals with language issues of Russian Germans in historical perspective, namely the conditions of national schools establishment and the formation of educational system in the 1920–1930, the period of the national language building. The article describes the conditions and problems of the formation of German national schools. The research deals with many questions: the material support of national schools, the lack of teaching staff, textbooks, premises, funds for the maintenance of these premises, and the problem of ideological nature that impose various kinds of ideological attitudes not only to teachers, but also to the population. Special attention is paid to the supervision of contract schools by local education departments, as well as to the religious nature of teaching. The school found itself in a "language crossroads", there was no considered and fair balance of languages either in their study or in their use as a teaching language.

Key words: national school; language; national policy; school education; teaching staff; Russian Germans; national-language construction; religious nature of teaching.

© Сержанова Ж.А., 2020

© Serzhanova Zhanna A., 2020

Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме [...] Развитие национальных культур должно развернуться с новой силой и с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке.

Иосиф Сталин [1, с. 368]

«В стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя...» [2, с. 315] – с таким лозунгом советская власть с первых дней своего существования взялась за повышение культурного уровня национальных меньшинств. Отправным моментом в развитии национальной школы стало принятие в октябре 1918 г. постановления Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств» [3, с. 172–173], в котором говорилось о том, что «все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке» и что «школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы» [4, с. 101–102]. Этот документ разрешил главный конфликт дореволюционной национальной школы – постоянно прогрессирующую русификацию. Если в дореволюционный период государство, осуществляя школьную политику, стремилось «насадить/навязать» русский язык [5, с. 168–169] в качестве языка преподавания и не задумывалось при этом ни о подготовке кадров для нацменьшкол, ни об их финансовой поддержке, то политика советской власти основывалась на принципе «ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка!» [2, с. 315] и предоставляла право всех народов на «организацию обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе».

Однако в действительности становление новой системы образования, и в отношении национальных школ в частности, проходило в сложных условиях: отсутствие школьных помещений, острая нехватка учителей, учебников, письменных принадлежностей, более того, у многих детей зачастую не было одежды и обуви, чтобы вообще ходить на занятия. Так, например, летом 1919 г. на третьем съезде Советов автономной области немцев Поволжья отмечалось, что «свыше половины всех детей не в состоянии были посещать школы, особенно в зимнее время» [5, с. 175]. В воспоминаниях ученика одной из сельских школ Саратовской губернии Петра Германа наглядно описано бедственное положение нацменшкол: «Мы занимались в частных домах. Дров для отопления и хлеба было мало. На уроках мы сидели в своих овчинных шубах, учитель сидел за столом в своей поношенной семинарской форме и завязанной под подбородком шапкой-ушанкой на голове» [6, с. 24]. В Сибири, из-за сложных погодных условий, вопросы, связанные с организацией элементарного обеспечения национальных школ, стояли еще острее.

Серьезной проблемой стало и обеспечение национальных школ учебниками на родном языке, так как их отсутствие лишало всякого смысла провозглашенное новым советским государством право преподавать на своем языке. Так, например, согласно списку необходимых учебников на немецком языке, составленному участниками съезда немсекции Омского губернского отдела народного образования в ноябре 1920 г., для немецких национальных школ срочно требовалось около 3 тыс. экз. букварей, более 4 тыс. книг для чтения (хрестоматий), 4,5 тыс. учебников по грамматике, 3 тыс. задачников и 2 тыс. учебников по географии [7, с. 179].

Следует признать, что отделы образования предпринимали различные попытки самостоятельно снабдить школы учебной литературой. Так, к примеру, был переиздан дореволюционный букварь

Г. Шлимбаха [7, с. 164], задействованы фонды библиотек военнопленных, оставшиеся в Канске и Красноярске после их эвакуации на родину, а также фонды немецкоязычной литературы библиотеки им. А.С. Пушкина в Омске [7, с. 164]. Однако эти разовые меры не устраняли главного: государство было не в состоянии финансировать быстрорастущее число школ, обеспечить учителей необходимыми условиями работы и зарплатой. Начавшаяся кардинальная перестройка системы образования в государстве изначально не была подкреплена ни материальными ресурсами, ни наличием учителей для национальных учебных заведений. Поэтому бурный рост школ в течение 1920–1921 гг. был воспринят властями как «катастрофический», а отсутствие средств привело к тому, что уже со второй половины 1920/21 учебного года система как русскоязычных, так и национальных школ стала «разрушаться». Большинство учебных заведений к концу 1921 г. значились только на бумаге и в отчетах Наркомпроса. Если в 1920 г. доля детей в возрасте от 8 до 11 лет, посещавших школу, в целом по стране достигала около 75 %, то к апрелю 1921 г. она сократилась до 44 % [8, с. 118–120].

«Катастрофическое» состояние системы школьного образования ярко прослеживается на примере немецкого населения Немреспублики: за четырнадцать лет, с 1914 по 1928 г., образовательный уровень немецких детей снизился более чем в два раза. Если в 1914 г. грамотность немецких школьников была самой высокой в России, то к 1928 г. она вплотную приблизилась к уровню детской грамотности кочевых народов, являвшейся в середине 1920-х гг. одной из самых низких в Советском Союзе [9, с. 74]. По грамотности немецкие дети в 1928 г. уже существенно уступали своим русским и украинским сверстникам, хотя до революции намного опережали их. Приведённые секретарем обкома ВКП(б) АССР НП Францом Густом цифры носили столь убийственный характер для престижа советской власти в Немреспублике,

что были полностью запрещены к публикации и считались секретной информацией [10, с. 74] (см. табл. 1).

Таблица 1

*Уровень грамотности детей школьного возраста
в АССР НП (1914–1928)*

Национальность	1914 г.	1920 г.	1928 г.
Немцы, %	80	41,8	38,6
Остальные национальности, %	28,4	44,6	56,2

По словам самих работников Совнацмена, вопрос материального обеспечения национальных школ вплоть до середины 1923 г. носил «бессистемный, сумбурный характер», а средства на образование поступали из различных источников: госбюджета, договорной кампании, самообложения, помощи из местного бюджета исполкомов и т. д. Однако на практике из всего этого спектра финансирования «работали» только два: местный бюджет и средства сельских общин (путем договора или самообложения населения) [3, с. 193]. Неудивительно, что при отсутствии централизованного государственного финансирования происходило резкое снижение числа национальных школ, так, например, в Сибири в период с октября 1921 г. по октябрь 1922 г. перевод школ с государственного финансирования на местный бюджет привел к сокращению числа нацменшкол на 27 %. В 1922/23 учебном году в Сибири из 26 тыс. немецких детей, в возрасте от 8 до 14 лет, посещали школу только около 3,9 тыс. чел., т. е. всего 15 % от общего числа потенциальных учащихся [12, с. 43].

На съезде заведующих губернских ОНО в ноябре 1923 г. представитель НКП РСФСР И.И. Ходоровский без всякого оптимизма заявил: «Положение школ нацмен остается очень тяжелым. Со школьными

помещениями дело обстоит очень скверно, с учебниками на родном языке – еще хуже...» [3, с. 194]. Компромиссным решением вопроса о финансировании нацменшкол стало появление договорных школ. Такие школы находились в ведении отдела образования, но деньги на их содержание и учителей выделяло сельское общество, оно же имело право контролировать их расходование. Открытие и содержание договорных школ могли позволить себе, как правило, зажиточные немецкие, особенно меннонитские селения. Так, например, меннониты Омского уезда самостоятельно содержали в 1924/25 учебном году 15 школ (с 15 учителями) на общую сумму около 8 тыс. р. Полное самообеспечение подобных школ религиозными общинами вызвало большую тревогу властей [5, с. 183–184], поскольку меннониты содержали на свои средства только тех преподавателей, которые их устраивали по «религиозным взглядам». Острые противоречия между общинами и представителями власти складывались чаще всего именно вокруг кандидатуры учителя, как это было и в дореволюционный период. Именно идеологическая сторона вопроса существования договорных школ стала причиной того, что уже в мае 1922 г. Наркомпрос разослал всем губернским ОНО письмо с «предложением» отказаться, по возможности, от договорных школ. В противном случае на местах рекомендовалось оставить на «плечах обществ» лишь хозяйственные затраты, а зарплату учителю выплачивать из бюджета. Наркомпрос был серьезно обеспокоен отсутствием надзора за деятельностью договорных школ со стороны местных отделов образования, а также тем, что школы работали без программ и по старым учебникам, а преподавание, как правило, имело религиозный характер. В целях борьбы с такими явлениями Наркомпрос потребовал к началу 1926/27 учебного года перевести содержание договорных школ на совместное финансирование, усилить за ними контроль, а главное – проверить

состав учителей. При этом власти были обеспокоены не квалификацией учителей, отсутствием программ и наличием дореволюционных учебников, так как этими же недостатками страдали и сетевые школы, их главная проблема заключалась в отсутствии лояльности «договорных» учителей. Огромное количество педагогов были верующими и их мироощущение так или иначе проявлялось в изложении учебного материала. Учителя преподавали то, что от них требовали родители ребенка, а не государство [5, с. 168–170].

Как отмечало руководство ВЦИК в 1925 г., крестьяне «через голову отделов народного образования» открывали договорные школы не только для того, чтобы ускорить «темп развития народного образования», а с целью «корректировки» советской образовательной системы [12, с. 168–169]. Идеинная «чистота» договорных школ стала главной причиной включения их в государственную сеть ОНО. Учителя данных школ, в свою очередь, подлежали так называемой чистке.

19 августа 1926 г. президиум Совнацмен НКП принял решение о переводе договорных, в первую очередь немецких школ Сибири, на местный бюджет. Однако из-за отсутствия финансовых средств это решение не было выполнено ни в 1926, ни в 1927 и 1928 гг.

В своих воспоминаниях ученик Аполлоновский школы Омского уезда Иван Эпп отмечал следующее: «До 1926 года в школе оставалось все по-старому .... Первые годы моей учебы [И. Эпп посещал школу только пять лет – примечание автора] у нас еще были учителя, назначенные сельской общиной, и преподавание велось так, как того желали родители.... На четвертом году (1926–1927 гг.) моего обучения все переменялось. Теперь учителя назначались государством, и программа обучения тоже стала государственной. Молитва была запрещена, и Библия тоже исчезла. В 1927 году власти запретили совместное использование школы и молитвенного дома, [...] поэтому три села

(Аполлоновка, Березовка, Подковыровка) в складчину купили дом и оборудовали школу, [где] преподавание велось на немецком и русском языках. Учителями были Мартенс и Яков Петрович Дик» [13, с. 188].

Следует отметить, что перевод договорных школ в государственную сеть при хронической нехватке средств был непростой задачей, однако тенденция к сокращению числа несетевых школ набирала силу. В течение 1925–1927 гг. только в Омском округе их количество снизилось с 40,6 % до 15,8 % (см. табл. 2).

Таблица 2

Соотношение сетевых и договорных немецких школ Омского округа в 1924–1928 гг.

Учебный год	Сетевые школы	Договорные школы	Всего учителей	Всего учеников
1924/1925	19 (59,4 %)	13 (40,6 %)	39	Нет сведений
1925/1926	31 (75,6 %)	10 (24,4 %)	42	1723
1926/1927	40 (85 %)	7 (15 %)	48	1999
1927/1928	48 (84,2 %)	9 (15,8 %)	60	2156

Если дореволюционная российская школа занималась не только делом образования, но и нравственно-религиозным становлением личности школьников, то на советскую школу, помимо образования, были возложены задачи «социального воспитания» и политико-просветительской работы [14, с. 174]. Для советской школы требовались политически грамотные педагоги, сторонники новой идеологии – педагоги «нового» типа. Принципы отбора учителей для советской школы были сформулированы на VII съезде ВКП(б), где говорилось об учителе как об «агенте» коммунистического просвещения. Как показывают факты, реальное воплощение данной установки в жизнь было

делом крайне сложным, а для национальных школ – практически невыполнимым и к середине 1930-х гг. Так, например, в материалах комиссии по проверке немецких школ Алтая в 1935 г. было отмечено, что «вопросы образования в национальных немецких школах находятся вне партийного контроля, в школах открыто культивируются национализм и религиозные настроения», большинство преподавателей политически неграмотно, половина состава не имеет семилетнего образования. В отчете комиссии были зафиксированы и примеры «антисоветских настроений» немецких школьников: пение контрреволюционных песен, искажение текста пролетарского гимна, обезображивание портретов вождей коммунистической партии и государства и т. п. По итогам проведенной проверки в Немецком районе Алтая был уволен 21 учитель, несмотря на то что в школах района имелась острая нехватка преподавателей для немецких школ [15, с. 242].

«Выходом» из сложившейся ситуации стал полный запрет национальных школ, включая немецкие. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о реорганизации национальных школ как «очагов буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», наносящих огромный вред делу правильного обучения и воспитания.

Несмотря на несовершенство самой национально-просветительской политики советского государства в 1920-е гг., все же имелись возможности для осуществления в школе равноправия национальных языков и развития национального образования. Реорганизация национальной школы в 1930-е гг. нанесла серьезный урон национальной культуре как немцев, так и других нацменьшинств СССР: многие национальные школы были просто закрыты, язык, как часть культуры, вытеснялся в бытовую и конфессиональные сферы и в конечном итоге был обречен на утрату у молодого поколения.

Отсутствие четкой траектории развития национальных школ связано с рядом причин как объективных, таких как отсутствие педагогических кадров, учебников, помещений, средств на содержание этих помещений, так и идеологических, навязывающих разного рода идейные установки не только учителям, но и населению. Школа стала объектом и субъектом деформации процессов национального развития. Неудивительно, что и к концу 1930-х гг. немецкая школа так и не смогла окончательно превратиться в школу немецкого языка, вместе с тем она не давала и прочных знаний по русскому языку. Школа оказалась на каком-то «языковом распутье», не было взвешенного и справедливого баланса языков ни в их изучении, ни в использовании в качестве языка преподавания. Она все больше превращалась в механизм сталинской идеи интернационализации, ее использовали в качестве орудия для формирования нового сознания, центра атеистической пропаганды [15, с. 248].

Таким образом, полная свобода использования родного языка преподавания в национальных школах в 1920-е гг. завершилась сворачиванием национального образования к середине 1930-х гг. и фактическим запретом национальных школ к концу 1930-х гг. Если вернуться к словам И.В. Сталина, то нельзя не признать, что «развитие национальных культур» действительно развернулось с новой силой, однако, несмотря на все приложенные усилия, «укоренения всеобщего первоначального образования на родном языке» так и не произошло.

Политическая и интеллектуальная жизнь 1920-х гг. была пронизана в тогдашней советской России духом отрицания старого и утверждения нового. Концептуальное противостояние в советской культуре 20-х гг. оказало влияние и на всю тогдашнюю языковую политику, по отношению к которой применялся термин «языковое строительство».

Список литературы

1. Сталин И.В. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б) // Собр. соч. Т. 12. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1949.
2. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде РКСМ, 2.10.1920 // Полн. собр. соч. – М., 1963–1965. – Т. 41.
3. Деннингхаус В. В тени «большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР 1917–1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2011.
4. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг. Т. 1. Ч. 1. – М.: Советская Россия, 1983.
5. Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). – СПб.: Обществ. акад. наук российских немцев, 2004. – 368 с.
6. Эккерт В.К. Франц Шиллер. Краткий очерк жизни, педагогической и научной деятельности. – Красноярск, 2014.
7. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). – М.: ОАНРН, 2000. – 308 с.
8. Штамм С.И. Управление народным образованием в СССР. – М.: Наука, 1985. – 264 с.
9. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Ч. 2. – Саратов: Саратов. ун-т, 1994.
10. Степанова Е.Б. Немецкие культурно-образовательные центры в Западной Сибири // Немцы Сибири: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / Ин-т междунар. сотрудничества Германии [и др.]; редкол.: В.М. Благинин [и др.]. – Омск: [б. и.], 1995. – С. 41–43.
11. Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. – М.: РАН; Ин-т рос. ист., 1998. – 415 с.
12. Эпп П. Не исчезли по милости Господа. Waldheim-Аполлоновка, 1911–2011. Steinhagen–Исилькуль, 2011.
13. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросвета // Полн. собр. соч. – М., 1963–1965. – Т. 44.
14. Черказьянова И.В. Национально-языковое строительство и судьба немецкой школы в 1920–1930-е гг. // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X междунар. конф. Москва, 18–21 ноября 2003 г. – М., 2003. – С. 225–252.

References

1. *Stalin I.V. Politicheskij otchet CK XVI s"ezda VKP(b)* [Political report of the Central Committee to the XVI Congress of the CPSU(b)] // Issue. – Fund 12.
2. *Lenin V.I. Zadachi soyuzov molodezhi. Rech' na III Vserossijskom s"ezde RKSM, 2.10.1920* [Tasks of youth unions. Speech at the III all-Russian Congress of the RKSM, 2.10.1920] // Issue. – Moscow, 1963–1965. – Fund 41.
3. *Doenninghaus, Viktor. V teni «Bol'shogo Brata». Zapadnye nacional'nye men'shinstva v SSSR 1917–1938 gg.* [In the shadow of Big Brother. Western national minorities in the USSR 1917–1938]. – Moscow, 2011.
4. *Kul'turnoe stroitel'stvo v RSFSR. 1917–1927 gg.* [Cultural construction in the RSFSR. 1917–1927]. – Fund 1. – CH. 1. – Moscow, 1983.
5. *Cherkazyanova I.V. SHkol'noe obrazovanie rossijskih nemcev (problemy razvitiya i sohraneniya nemeckoj shkoly v Sibiri v XVIII–XX vv.)* [School education of Russian Germans (problems of development and preservation of the German school in Siberia in the XVIII-XX Centuries)]. – St. Petersburg, 2004.

6. Eckert V.K. *Franz Schiller, Kratkij ocherk zhizni, pedagogicheskoy i nauchnoj deyatel'nosti* [A brief sketch of life, teaching and scientific activities]. – Krasnoyarsk, 2014.
7. Cherkazyanova I.V. *Nemeckaya nacional'naya shkola v Sibiri (XVIII – 1938)* [German national school in Siberia (XVIII – 1938)]. – Moscow, 2000. – 308 p.
8. Shtamm S.I. *Upravlenie narodnym obrazovaniem v SSSR* [Management of national education in the USSR]. – Moscow, 1985.
9. German A.A. *Nemeckaya avtonomiya* [German autonomy]. Part 2. – Saratov, 1994.
10. Stepanova E.B. *Nemeckie kul'turno-obrazovatel'nye centry v Zapadnoj Sibiri* [German cultural and educational centers in Western Siberia] // *Nemcy Sibiri: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch.* – Omsk, 1995.
11. Krasovickaya, T.YU. *Modernizaciya Rossii: nacional'no-kul'turnaya politika 20-h godov* [Modernization of Russia: national and cultural policy of the 20s.]. – Moscow, 1998.
12. Epp P. *Ne ischezli po milosti Gospoda. Waldheim-Apollonovka, 1911–2011* [Not disappeared by the grace of the Lord. Waldheim-Apollonovka, 1911–2011]. – Steinhagen-Isilkul, 2011.
13. Lenin V.I. *Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosveta* [New economic policy and tasks of the political world] // Issue. – Moscow, 1963–1965. Fund 44.
14. Cherkazyanova I.V. *Nacional'no-yazykovoe stroitel'stvo i sud'ba nemeckoj shkoly v 1920–1930-e gg.* [National-language construction and the fate of the German school in the 1920–1930] // *Klyucheveye problemy istorii rossijskih nemcev: Materialy X mezhdunarodnoj konferencii.* – Moscow, 2003.

В. Деннингхаус

**«Немецкую школу без риска можно назвать антисоветской»:
учитель как тормоз трансформации немецкой школы
в 1920-е гг.**

Важной предпосылкой готовности СССР к «большому экономическому скачку» в 1930-е гг. служила далеко не совершенная, но сравнительно широко разветвленная система политического и культурного воздействия на население, фундамент которой был заложен в 1920-е гг. Эта система позволила ниспровергнуть прежние образцы «буржуазной» морали, сломать религиозно-культурные традиции и создать базу для воспитания «нового человека». Чрезвычайно существенный инструмент для достижения данной цели представляла собой общеобразовательная школа, в том числе национальная. Ключевыми фигурами «советизации» национальной школы являлись учителя, которым по планам Москвы надлежало побороть влияние не только церкви, сельской общины, но и семьи, противившихся советизации молодого поколения. Однако процесс советизации «нового» и обновления «старого» преподавательского состава сталкивался с немалыми трудностями и шел очень медленно. Поскольку основным критерием подбора «новых» учительских кадров служила не профессиональная пригодность, а лояльность советскому режиму, поиск возможных кандидатов в немецких селениях происходил с чрезвычайным трудом. Численность новых кадров росла крайне медленно, а переподготовка «старых» учителей шла черепашьими темпами. На конец 1920-х гг. почти 80 % немецких учителей имели опыт работы в «старой» школе и до революции зачастую одновременно исполняли роль церковных служек и проповедников. Ожидать от таких учителей полной лояльности советскому режиму и осуществления политического воспитания в школе не приходилось, учитывая слабый партийный и комсомольский актив в немецких селениях. В целом советизация немецких образовательных учреждений к началу 1930-х гг. была далека от завершения. Ставка, сделанная на национальные рычаги, вынудила власти идти по пути использования немецких кадров и длительного процесса создания просоветски настроенной немецкой интеллигенции. Нехватка высококвалифицированных и лояльных учителей из числа немцев чрезвычайно затрудняла организацию в национальных школах и других учебных заведениях обучения на родном языке в духе советской педагогики.

Ключевые слова: СССР; РСФСР; национальная политика; школьное образование; педагогический состав; советизация; лояльность; российские немцы.

**"German school can be called anti-Soviet without risk":
Teacher as a brake of the German school transformation in the 1920s**

An important prerequisite for the USSR's readiness for a "great economic leap" in the 1930s was a far from perfect, but relatively widespread system of political and cultural influence on the population, the foundation of which was laid in the 1920s. This system made it possible to overthrow the previous models of "bourgeois" morality, break down religious and cultural traditions and create a basis for the education of a "new man". Comprehensive school, including the national one, was an extremely important tool for this goal achievement. The key figures of the "sovietization" of the national school were the teachers, who, according to Moscow's plans, had to overcome the influence not only of the church, rural community, but also of the family, who opposed the sovietization of the younger generation. However, the process of sovietization of the "new" and the renewal of the "old" teaching staff faced considerable difficulties and proceeded very slowly. Since the main criterion for the selection of "new" teachers was not their professional aptitude, but loyalty to the Soviet regime, the search for possible candidates in German villages was extremely difficult. The number of new staff grew too slowly, and the retraining of the "old" teachers proceeded at a snail's pace. At the end of the 1920s nearly 80% of German teachers had experience of work in the "old" school and before the revolution they often simultaneously played the role of church ministers and preachers. It was not possible to expect from such teachers complete loyalty to the Soviet regime and implementation of political education at school, accounting the weak party and Komsomol activists in German villages. In general, the sovietization of German educational institutions was far from complete by the early 1930s. The stake placed on national levers forced the authorities to follow the path of using German personnel and the long process of creating a pro-Soviet German intelligentsia. The shortage of highly qualified and loyal German teachers made it extremely difficult to organize teaching in the native language in the spirit of "Soviet pedagogy" in national schools and other educational institutions.

Key words: *The Soviet Union (USSR); Russian Federation;* Nationalities policy; School education; Teaching staff; Sovietization; Loyalty; Russian Germans.

1. Введение

Важной предпосылкой подготовки «большого экономического скачка» в СССР выступила далеко не совершенная, но достаточно разветвленная система культурно-политического воздействия на население, заложенная в 1920-е гг. Именно благодаря ей происходили слом старых стереотипов мышления, «буржуазной» нравственности,

религиозно-культурных традиций и создание основ воспитания «нового» человека. В Москве прекрасно понимали, что перестройка школы на советской основе и осуществление новых принципов образования и воспитания могли быть успешными лишь в том случае, если учительство, которому принадлежала решающая роль в образовании, воспитании и подготовке к практической деятельности подрастающего поколения, разделяло бы цели большевиков. «Задача новой педагогики, – подчеркивал В.И. Ленин на Первом Всероссийском съезде учителей-интернационалистов в июне 1918 г., – связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества...» [1, с. 420–421]. В обеспечении выдвинутой VIII съездом РКП(б) задачи (март 1919 г.) «контрреволюцию отсекают, культурно-буржуазный аппарат использовать» [2, с. 448–451] руководство Наркомпроса призвало отделы народного образования на местах вплотную заняться «фильтрацией» имевшегося в наличии педагогического состава. На практике эта задача осложнялась не только малочисленностью и недостаточной подготовленностью «старого» учительства, но и враждебностью наиболее квалифицированной его части, прежде всего учителей повышенной (средней) школы.

2. «Новая» немецкая школа

Широко известно, что по сравнению с другими национальностями народное образование у немцев-колонистов до революции 1917 г. стояло на довольно высоком уровне [3, с. 420–481]. Редкая колония не имела своей начальной школы, неграмотных не было даже среди стариков, а большинство из этих школ, а также учительство, находились на полном иждивении самих колонистов. «Влияние духовенства на эти школы было совсем исключительным, – отмечал известный партийный функционер Б. Бартельс (1924), анализируя этапы развития немецкого просвещения в СССР, – большей частью народный учитель

одновременно был и кюстером, да и школа и молитвенный дом почти повсюду находились под одной крышей, или даже в одном помещении“ [4, л. 172–173, 236]. Антинемецкая кампания в годы Первой мировой войны, Гражданская война и разруха вызвали резкое сокращение школ, а недостаток учебников и низкая оплата труда учителей привели к тому, что неграмотность захватила все возрастные слои немецкого населения, особенно подростков школьного возраста 12–16 лет. Как отмечалось в отчетном докладе Центрального бюро [ЦБ] немсекций при ЦК РКП(б) за 1920 г., «старики разучились читать и писать, средний возраст с трудом разбирается в самом необходимом, а молодое поколение подрастает фактически без всякого образования .... В общем и целом можно сказать, что все [немецкое] население ... грозит не только далеко отстать от культурного развития всего русского народа, но даже опуститься еще ниже» [5, л. 52].

В целом школьная сеть в немецких селениях с 1919 г. по 1923 г. сократилась на две трети¹, а за «бортом» школы осталось почти 80 % детей, подлежащих обучению [6, л. 8]. Развитие школьного дела серьезно сдерживал тот факт, что средства на него приходилось изыскивать из местного бюджета. Центр с переходом к нэпу фактически прекратил финансирование народного образования. В результате в середине 1920-х гг. большинство школ немцы продолжали содержать и строить на свои средства, принимая на работу в них лояльных общине, а не властям немецких учителей «старой формации», преподававших по старым канонам [7, с. 407–408].

Несмотря на все усилия, довоенный уровень грамотности у немцев на протяжении всех 1920-х гг. так и не был достигнут, как и не были выполнены планы НКП РСФСР «вывести школу из рамок обуче-

---

¹ Так, например, только в АО НП (1921) было закрыто около 80 % всех учебных заведений.

ния только грамоте», которой колонисты могли научиться и в церкви¹ [8, л. 23]. Союзные республики не составили особого исключения. «В БССР имеется 7.000 немцев, ... [но] нет ни одной немецкой школы, – констатировалось в материалах ЦБ немсекций при ЦК ВКП(б) за 1928 г., – 40 % неграмотных всего немнаселения и 47 % неграмотных сельского. Столько неграмотных немцев нигде в Союзе не имеется!» [9, л. 61]. Данный парадокс становится еще более труднообъяснимым, если учитывать, что немцы не были «сплошь рассыпаны» по Белоруссии, а два немецких сельсовета объединяли ок. 52 % всего немецкого сельского населения республики [9, л. 61]. В Киргизии, в свою очередь, из-за недостатка учительских кадров немецкие дети годами не посещали школу, постоянно увеличивая долю безграмотных. В одном из документов, посвященном развитию немецких школ в Киргизии (1926), отмечалось: «Школы ... вообще за последние годы функционировали крайне слабо за отсутствием квалифицированного учительского персонала. В некоторых школах ... вовсе не было учителей и школы были закрыты» [10, с. 205].

В целом материалы немецкого отдела (Немотдела) Совнацмена НКП РСФСР позволяют утверждать, что к середине 1920-х гг. большинство немецких школ «советскими», даже с натяжкой, назвать было сложно [11, л. 21–21 об.]. «На направление внутренней работы немецких школ принципы новой школы еще недостаточно влияют ..., – констатировалось в отчете Немотдела Совнацмена за 1926 г. – Бывают случаи, что за так называемой аполитичностью школы скрывается совершенно определенное политическое направление, противоположное нашей политике» [12, л. 237]. Детские формы самоуправления, провозглашенные еще реформой 1918 г., а также пионерские отряды,

---

¹ В принятом в апреле 1929 г. Секретариатом ЦК ВКП(б) постановлении «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях» отмечалось, что доля детей и подростков, посещающих школу (1929), стала ниже уровня 1913 г.

в соответствии с данными Немотдела Совнацмена, в немецкой школе практически отсутствовали, а если и имелись, то зачастую лишь чисто формально. Другими словами, идея советских педагогов-радикалов, в соответствии с которой «в семью, на улицу, нашу идеологию должны нести дети и разбивать, крушить, переделывать прошлое», в немецких селениях приживалась весьма трудно [13, с. 343].

Для кардинального изменения ситуации в свою пользу Центру необходимо было разрешить две остро стоящие проблемы: организовать подготовку из числа немецкой молодежи прокоммунистически настроенных учителей, призванных сменить «старое» поколение, и превратить все школы в действительно государственные, сведя к минимуму их зависимость от населения. Но разрешение этих задач было вопросом времени, а регулярное сокращение числа школ по РСФСР (в связи с невозможностью их государственного финансирования) заставляло руководство Немотдела Совнацмена до поры до времени мириться с существовавшим положением и «закрывать глаза» на многие, негативные с его точки зрения вещи. Самоизолированность немецких колоний, их отдаленность от городов, отличный от окружающего населения язык колонистов, их приверженность к религии, малочисленность немецких партийных кадров – все это не только усложняло, но и замедляло советизацию немецких школ по сравнению с русскоязычными [7, с. 409].

3. «Советизация» немецких учителей

Несмотря на то, что именно немецкие учителя до революции 1917 г. являлись наиболее радикальными представителями земского «третьего элемента» в колониях¹ [14, с. 190], требовавшие от властей не только коренных преобразований в сфере народного образования, но и выступавшие против сложившихся экономических условий и

---

¹ Термин «третий элемент», распространенный с конца 90-х гг. XIX столетия, выделял в особую группу используемых земствами специалистов (учителей, врачей, агрономов и т. д.), в отличие от представителей местных органов власти (чиновников) и членов выборных органов местного самоуправления.

местной чиновничьей бюрократии, к сторонникам нового режима их отнести было сложно [14, с. 27–29]. Более того, репрессивная политика периода военного коммунизма, а также отделение школы от церкви привели к тому, что большевики растеряли и последних «сочувствующих» социальным преобразованиям в немецкой деревне. «После того, как революция смела реакционное крыло учительства, которое для социалистического строительства совершенно не годилось, – признавалось само руководство Немецдела Совнацмена НКП РСФСР (1925), – мы все же видим, что значительная часть немецкого учительства, считавшегося раньше прогрессивным, настроено теперь критически против наших новых форм преподавания» [4, л. 166]. По его оценкам, только $\frac{1}{4}$ всех немецких учителей выступали за «новую» школу, причем большая часть из них была «идеологически неразвит[а], либо не име[ла] в себе достаточно решимости, чтобы взять ясную [классовую – В.Д.] линию [...]» [4, л. 166; 15, л. 218].

Как уже отмечалось выше, в 1920-е гг. положение с грамотностью немецких школьников не только не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось. Главной причиной, не позволявшей изменить ситуацию в лучшую сторону, выступал не столько недостаток школьных помещений и учебной литературы, сколько дефицит учительских кадров. Многие из «старых» преподавателей, не принявших революцию, были изгнаны, репрессированы или эмигрировали. Другие, наоборот, «ушедшие в революцию», осели на партийной, советской и хозяйственной работе, дававшей не только стабильный доход, но и целый ряд привилегий. Немало учителей в годы разрухи и голода были вынуждены просто сменить специальность, чтобы прокормить себя и свою семью, а оставшиеся в школе испытывали серьезные психологические трудности в связи с ломкой традиционной педагогики и методики преподава-

ния¹ [16, с. 165–166]. Нельзя забывать и о том, что практически до начала 1930-х гг. часть учителей (особенно на окраинах страны) являлись «договорными», т. е. работали «по найму» сельских общин, а следовательно, склонялись к выполнению требований сельских общин, а не требований Наркомпроса. Руководство Славгородского ОНО по этому поводу сделало следующее замечание в октябре 1921 г.: «Проведение в немецкой школе принципов Советской власти до сего времени мечта неосуществимая .... Обеспечиваемое до максимума населением, учительство покорно идет на поводу населения и выполняет все его требования, включительно до применения в школе давно запрещенных наказаний и преподавания Закона Божьего ... Немецкую школу без риска можно назвать антисоветской...» [17, с. 599]. Ненамного отличалось положение с немецкими педагогическими кадрами и в автономных республиках РСФСР. Так, например, по данным Центрального немецкого бюро Совнацмена НКП Туркестана, «советских» учителей в немецкие школы удавалось внедрять только при помощи силы. «Население [...] не хочет признавать учителей, назначенных Наркомпросом или ОНО, – отмечалось в его отчете за январь 1923 г., – выдвигает своих собственных проповедников в качестве учителей и требует их утверждения ... Приходится почти с каждой немецкой деревней воевать и с помощью ГПУ восстанавливать авторитет советских немецких школ» [18, л. 145]. То, что сельские общины, даже в период Гражданской войны и послевоенной разрухи, всеми силами содержали и сохраняли от развала школу, а также то обстоятельство, что учителя, как правило, параллельно исполняли некоторые церковные функции, дало повод советским и партийным работникам, рас-

---

¹ Особенно остро эта проблема проявилась в АО НП, где нехватка учителей достигла катастрофических размеров. Многие учителя покинули немецкие колонии, чтобы не умереть с голоду, и перебрались в город.

сма́тривать немецкую школу однозначно как «религиозную» и «анти-советскую» [19, с. 134].

Аналогичного мнения придерживались и чекисты. Начальник контрразведывательного отдела ОГПУ А.Х. Артузов констатировал в июле 1925 г. в аналитической справке «Германская контрреволюционная работа в СССР», в которой высшим руководством политической полиции СССР уже была сформулирована концепция немецкой диаспоры как шпионской и диверсионной базы, следующее: «Духовенство и учительство в большинстве своем настроено антисоветски, имеет тесную связь с заграничными колониетскими организациями» [20, с. 315–324].

Процесс советизации «нового» и обновления «старого» учительства проходил не только с большим трудом, но и очень медленно. Это вынуждало органы НКП РСФСР все чаще прибегать к методам морального принуждения учителей, чтобы ускорить «выработку» их «политической» грамотности. Одной из форм такого давления на учителей явилась специальная подписка, которую они были вынуждены давать ОНО, чтобы получить возможность дальнейшей работы в школе. Форма подобных «подписок» различалась в зависимости от регионов, однако содержание было практически одинаковым: признание лояльности по отношению к органам советской власти; уклонение от религиозной пропаганды; популяризация коммунистической идеологии и т. д. Так, например, в Туркестане (январь 1921 г.) учителя-меннониты должны были подписать следующий текст «клятвенного» обещания: «Мы, нижеподписавшиеся, обязуемся: 1. Во всех наших действиях, связанных с высоким званием народного учителя, руководствоваться принципами Советской власти .... 2. В школьном преподавании, согласно правительственным декретам ... не вводить обсуждение религии .... 3. Вне школы, по мере возможности, разъяснять населению действия и распоряжения власти в духе советского строительства ...» [18, л. 142].

Делегаты V Всесоюзной конференции работников немсекций (ноябрь 1924 г.) выступили с предложениями активной борьбы с церковными пережитками и за полный разрыв учителя с религиозной общиной. «Каждый преподаватель должен быть антирелигиозным активистом», – подчеркивалось в резолюции конференции. Наряду с полным запретом преподавания Закона божьего для несовершеннолетних, было указано на «недопущение существования школы и церкви под одной крышей» [21, с. 164]. В свою очередь, представительства ОНО на местах применяли весьма своеобразные методы «ускорения» атеистического воспитания школьников, усложняя потенциальную возможность религиозной «пропаганды» со стороны педагогического персонала. Так, к примеру, в Сибири и Украине, наряду с исключением из школы учителей за отказ вести атеистическую пропаганду, широко применялась и так называемая «конфессиональная ротация» кадров. Так, меннонитские учителя, с целью их «отрыва от родных корней», переводились в католические и лютеранские села, а работавшие там преподаватели – направлялись в соответствующие меннонитские поселения [21, с. 159; 22, с. 338–340].

В Москве прекрасно сознавали, что «перетягивание» учителей в «лагерь» сторонников советской власти, несомненно, ускорило бы процесс общей советизации немецкого населения, и прежде всего его молодого поколения. «Необходимо правильным применением национальной политики внушить мелкому крестьянину то доверие к советской власти, – не раз подчеркивало руководство Немецдела Совнацмена, – которое до настоящего времени часто отсутствует ... Если только мы правильно поставим немецкие школы, немецкие учреждения профессионального образования и общественно-политические учреждения вообще в немецкой деревне, то немецкое юношество безусловно встанет на нашу сторону...» [4, л. 1 об.].

4. Лояльность педагогического персонала

Большим препятствием на пути к советизации молодежи являлась не только проблема общей нехватки педагогического персонала, но и его лояльность, готовность служить советскому режиму. Если часть немецких школ в 1920-е гг. не работала из-за их бойкота самим населением, то другая часть была закрыта по распоряжению ОНО, из-за недостатка «идеологически» подготовленных кадров [7, с. 410]. По данным руководителя немсекции при Сибирском ОНО Р. Кисилевского (1921 г.), необходимо было заменить около 60 % немецких учителей. Неудивительно, что только в Омской губернии в 1922/23 учебном году из-за нехватки лояльных режиму преподавателей было закрыто 25 школ [21, с. 150, 159, 164]. В Славгородском округе к началу 1924/25 учебного года из 19 чел., изъявивших желание работать в школе, только шестеро получили разрешение на работу. Остальные были исключены работниками немсекции «по причине религиозности и тотальной политической безграмотности». «Проверка [учителей – В.Д.] необходима, т.к. немецкая школа является рассадником не только религии, но и контрреволюции, – отмечало руководство немсекции при Омском губкоме РКП (б) в сентябре 1924 г. – Каждый учитель, без исключения, должен пройти политическую проверку в губернском или окружном комитете ВКП(б)» [21, с. 164]. Прошедшие подобную «экспертизу» учителя, как правило, не только не имели специального педагогического образования, но и вообще образования как такового, однако признавали «платформу» советской власти. Весьма показательную характеристику «избранным» учителям дал один из инспекторов ОНО Барнаульского округа (1926): «В прошлом – не учителя, и с педагогическими вопросами – незнакомы .... Основную разницу между коммунистической партией и партией социал-демократии усвоили и считают путь компартии верным и неизбежным. За недостатком педа-

гогических сил (из немцев) полагаем, что к работе учителями [в школе] первой ступени допустить всех товарищей возможно, при условии снабжения их учебниками» [23, с. 196].

Положение с немецкими педагогическими кадрами в соседних с РСФСР союзных и автономных республиках отличалось несущественно. Так, к примеру, в результате чистки учительского контингента немецких школ Житомирской губернии (УССР), проведенной работниками ОНО в 1922 г., из 91 педагога право работать в школе получили только восемь человек (8,8 %). В Волынской губернии Украины из 104 немецких учителей лишь восемь (7,7 %) соответствовали «критериям» советской трудовой школы [17, с. 648]. Пожалуй только в автономной области немцев Поволжья (АО НП), находящейся в эпицентре голода, основной задачей НКП явилось не столько выявление «лояльного» учительства, сколько закрепление на местах учительского персонала, пытавшегося любыми путями покинуть школы и заняться более доходной деятельностью, чтобы выжить и не умереть с голоду. Так, в сентябре 1923 г. во все канткомы АО НП поступил секретный циркуляр, подписанный заместителем секретаря обкома РКП(б) Ирмай Фукс, в котором предписывалось «с целью сохранения учителей на местах» не принимать на другую работу тех из них, кто бросил педагогическую деятельность, а при сокращении штатов различных учреждений в первую очередь увольнять именно бывших преподавателей школы [16, с. 166–167]. Однако, несмотря на эти «драконовские» меры, к середине 1920-х гг. в Немреспублике в общей сложности не хватало около 2 тыс. учителей [24, с. 74–75].

5. Подготовка новых учителей

Подготовка новых кадров немецких педагогов требовала не только больших финансовых затрат, но и времени – от 3 до 4 лет. Поэтому, наряду с организацией новых учебных заведений, руководство

Немотдела Совнацмена НКП РСФСР, при активной поддержке ЦБ немсекций, особое внимание уделяло переподготовке имевшихся в наличии «старых» кадров. Несмотря на то, что система переподготовки была достаточно разнообразной (педагогические конференции, месячные и годовые курсы, политучеба и т. д.), доля охваченных ею немецких учителей была невелика. Наряду с основными причинами – слабым финансированием подобных мероприятий (как на центральном, так и на местном уровне) и нерегулярностью их проведения – имелась еще одна: сами учителя старались уклониться от такой «учебы» [25, с. 137; 4, л. 42]. Дело в том, что наряду с интенсивной «накачкой» слушателей подобных курсов коммунистической идеологией, они являлись и своеобразными «фильтрами» для проверки и отсева неLOYальных учителей [26, с. 264; 21, с. 159–160]. Особое место в этой иерархии занимали курсы переподготовки учителей немецких школ в Москве и Ленинграде, время от времени организуемые по инициативе Немотдела Совнацмена НКП РСФСР [27, с. 3; 28, с. 6]. Так, к примеру, в 1924 г. в Москве прошли 11-месячные курсы по переподготовке учителей немецких сельских школ, в которых приняли участие 25 чел. В 1926 г. на базе Центрального немецкого педтехникума (Ленинград) состоялись аналогичные двухмесячные курсы и т. д. [26, с. 264]. Вместе с тем, по данным Немотдела Совнацмена (1926), доля немецких учителей, побывавших на центральных курсах (Москва, Ленинград) не превышала 10 %, а местные курсы в лучшем случае охватывали лишь около 20 % имевшегося педагогического состава, в основном учителей начальной школы [4, л. 237]. Если учитывать, что только единицы из «LOYальных» учителей имели высшее и среднее педагогическое образование, а большинство – только низшее или вообще никакого [23, с. 185–186], то проблема их методологической «переподготовки» была весьма актуальной на протяжении всех 1920-х гг. «Большим» вопро-

сом оставалось для Центра и переобучение учителей – эмигрантов из Германии, активно преподававших в немецких школах вплоть до середины 1930-х гг. [29, с. 163].

Источники позволяют утверждать, что несмотря на все жесткие указания Центра о необходимости «отсева» нелояльных преподавателей и «идеологического» переобучения всего имевшегося в наличии ОНО педагогического персонала, дисперсное проживание немецкого населения и удаленность немецких селений от крупных промышленных центров и городов позволило большинству из учителей немецких школ (не только в РСФСР, но и в целом по СССР) вплоть до начала 1930-х гг. уклоняться от «фильтрации» со стороны ОНО и немсекций ВКП(б), которые были просто не в состоянии охватить всех их своим «вниманием» и контролем [7, с. 411; 30, с. 120–124]. Так, к примеру, из 24 немецких учителей в Башкирии к 1929 г. всего лишь пять (или 21 %) прошли через подобные курсы переобучения [9, л. 59–60]. В результате проверки 33 немецких селений в Петропавловском округе Казахской АССР осенью 1929 г. секретарь бюро окружкома ВКП(б) Малеев открытым текстом заявил следующее: «В большинстве учителя старые, из бывших кюстеров (проповедников), или сельские писари, которые с советской методикой общего ничего не имеют» [31, с. 34]. Аналогично оценивали положение с немецкими учительскими кадрами и работники Кустанайского окружкома ВКП(б) в январе 1930 г.: «Состав учительских кадров по качеству очень низок. Большинство учителей без всякой переподготовки и даже без педагогического стажа. Эти приезжие с разных концов света (с немногим исключением) 'педагоги', ни в коем случае не могут удовлетворять требованиям советской школы» [31, с. 42]. В докладной записке секретаря Акмолинского окружкома ВКП(б) Сафарбекова (Казахская АССР), отосланной в марте 1930 г. в ЦК ВКП(б), подчеркивалось: «Очень плохо обстоит дело с педагогиче-

ским персоналом, который, по своей квалификации, в условиях советской школы на 80 % [ей] не соответствует» [31, с. 71].

Прекрасно понимая всю сложность переобучения «старого» персонала, руководство Немецдела Совнацмена НКП РСФСР попыталось создать «конвейер» подготовки новых учителей для немецкой школы. Как отмечал сам заведующий Немецдела Совнацмена Б. Бартельс (1924), для постепенной замены ок. 3000 учителей «старой» формации немецким школам ежегодно требовалось не менее 150–200 «новых», а все существующие педагогические заведения восполняли этот пробел не более, чем на 25 %. «Уже сейчас, при постепенном восстановлении прежней школьной сети, Центральное Бюро [Совнацмена НКП – В.Д.] не в состоянии удовлетворить запросы с мест, которые требуют учителей партиями в 15–20 человек (Кубань, Сибирь и т.д.)», – констатировал Бартельс, характеризуя плачевное состояние с подготовкой нового учительства [4, л. 174–175]. Необходимо учитывать, что будущие кадры «новых» учителей отбирались не по принципу профессиональной пригодности, а по их лояльности советскому режиму, что, соответственно, весьма усложняло процедуру их «вербовки» в консервативных немецких селениях [32, л. 69]. «То обстоятельство, что на 3 000 немецких крестьян приходится в деревне один коммунист-немец, – подчеркивалось в одном из отчетов Немецдела Совнацмена НКП РСФСР (1925), – в достаточной мере характеризует ничтожную степень коммунистического влияния в немецкой деревне» [4, л. 165]. Именно этим фактом можно объяснить и положение с подбором абитуриентов для обучения в педагогических учебных заведениях, весьма мало отвечавших идеалу «учителя-политработника».

Главной базой формирования новых кадров для немецких школ РСФСР (без АССР НП) выступил Немецкий практический *институт народного образования* (ПИНО), образованный в Москве в 1922 г. и

преобразованный через год в Немецкий центральный педтехникум повышенного типа [33, л. 85]. Однако «конвейер» по выпуску кадров «марксистско подготовленных школьных работников» для немецких школ работал очень медленно: первый выпуск ПИНО осуществился только весной 1926 г. [4, л. 176; 34, с. 457]. Причем, несмотря на поступательный рост числа студентов (в 1924/25 учебном году здесь обучалось 125 чел., в 1925/26 учебном году – 180 чел.), число его выпускников было мизерным [4, л. 7; 34, с. 452]. Если учитывать, что в первой половине 1920-х гг. довольно весомая часть студентов Центрального немецкого педтехникума обучалась по направлениям Наркомпросов АССР НП¹ и УССР, то и распределялись выпускники соответственно в эти же республики, а не в районы компактного проживания немцев в РСФСР [4, л. 167–168; 34, с. 468; 35, с. 5–8]. Например, в 1926 г. в немецкие школы РСФСР (без АССР НП) было отправлено всего шесть выпускников Центрального немецкого педтехникума² [4, л. 237; 26, с. 267]. Как отмечалось в одном из отчетов Немецкой Совнацмена за 1927 г., Центральный немецкий педтехникум «до сих пор выпустил совершенно ничтожное количество студентов...» [36, л. 42]. Ведь в 1925/26 учебном году техникум закончили всего 18 чел., в 1926/27 учебном году – 17 чел. и т. д. [34, с. 457–458]. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что далеко не все из выпускников отправлялись в качестве учителей в немецкую деревню, часть из них оставалась в Ленинграде, продолжая учиться в высших учебных заведениях. Например, из 32 студентов третьего курса (1925) только 19 чел. (60 %) продолжили обучение на четвертом курсе, а 13 чел.

---

¹ В 1925/26 учебном году в Ленинградском техникуме обучалось 39 студентов из Поволжья (или 38,2 %), в 1927/28 учебном году – 28 (или 32,5 %) и т. д.

² В 1926 г. Центральный немецкий педтехникум окончили только 8 чел., двое из которых продолжили обучение в других учебных заведениях и только шестеро учителей были направлены в немецкие школы.

(или 40 %) потенциальных «учителей» перешли в вузы либо вообще расстались с профессией педагога [34, с. 470].

Не особенно радовал Немотдел Совнацмена и социальный состав учащихся Центрального педтехникума, где практически отсутствовали выходцы из пролетарской среды [4, л. 42]. Так, к примеру, из 86 студентов, обучавшихся в 1927/28 учебном году, рабочие составили только 5,8 %, крестьяне – 65,2 % и служащие – 29 %. В 1928/29 учебном году доля социальной группы служащих выросла еще больше, достигнув 33,6 % [34, с. 465]. Вопрос социального происхождения подготавливаемых педагогических кадров был очень важен для Центра прежде всего потому, что так называемые «чуждые элементы», имея иной социальный опыт, могли подвергать сомнению постулаты новой идеологии, а именно школьное образование, не считая института семьи, несло в себе главную функцию передачи культурной информации новым поколениям. Остается добавить, что регулярные чистки учебных заведений постоянно выявляли «неблагонадежных» как среди студентов, так и среди преподавателей¹, несмотря на то что их классовая «чистота» тщательно проверялась партийными и комсомольскими органами [37, с. 3]. Причем если социальное происхождение студента вызывало какое-либо сомнение, то в организацию, откуда он был откомандирован на учебу, посылались запросы с просьбой подтвердить правильность данных им сведений. Если социальный статус или «благонадежность» не подтверждались, то студент, независимо от его способностей, исключался из учебного заведения, а преподавателя снимали с работы [38, с. 329–337]. Как отмечалось в одном из отчетов о деятельности Центрального немецкого педтехникума (1923), опытные коммунисты-преподаватели «своими докладами

---

¹ Для привлечения в вузы и техникумы «классово-ценной» молодежи при партийных органах создавались так называемые вербовочные комиссии. Причем при поступлении в анкете обязательно указывалось социальное происхождение и предоставлялись документы, его удостоверяющие.

буквально вбивали культуру и политику в головы студентов ПИНО, чем вызывали сравнительно высокий процент заинтересованности в деятельности РКСМ и РКП(б)» [17, с. 698].

Однако желаемое нередко выдавалось за действительность. По заключению работников Ленинградского обкома ВКП(б) часть преподавателей Центрального немецкого педтехникума сама являлась «в политическом отношении крайне реакционной» [34, с. 465; 39, л. 59]. Более того, из 40 педагогов и сотрудников (1927) только двое – заведующий и преподаватель обществоведения – состояли в компартии. Аналогичное положение наблюдалось и среди обучаемого ими контингента. Например, из 86 студентов (1927/28 учебный год) ни один вообще не являлся членом или кандидатом в члены ВКП(б), а из 140 студентов набора 1928/29 учебного года – только один единственный [36, л. 42]. Оставляла желать лучшего и численность студентов – членов ВЛКСМ. Их доля даже к концу 1920-х гг. составляла лишь четверть от всех обучаемых в педтехникуме студентов, колеблясь между 19,7 % (1927/28 учебный год) и 26,4 % (1928/29 учебный год) [34, с. 465; 39, л. 59].

Уже к середине 1920-х гг. в Центральном немецком педтехникуме четко проявилась еще одна проблема – постоянное неукомплектование его учащимися [40, л. 36; 23, с. 200]. Например, в 1926 г. из 40 вакантных мест было занято всего лишь 28 (70 %). Дело было не только в сложности подбора абитуриентов и нежелании колонистов работать в школе, но и в том, что в АССР НП и УССР был налажен уже свой, собственный «конвейер» подготовки немецких учителей (Марксштадт, Хортица, Пришиб) [34, с. 468]. Учеба «на месте» была несомненно удобнее и дешевле для колонистов, чем аналогичная, но в весьма отдаленном от их селений «столичном» учебном заведении. В любом случае попытка увеличить численность студентов Центрального немецкого педтехникума в Ленинграде до 500 чел., а также число его

потенциальных выпускников (до 60 чел. в год), как и желание преобразовать педтехникум в высшее учебное заведение, так и остались лишь в планах его руководства и Немецдела Совнацмена НКП РСФСР [33, л. 84; 4, л. 46]. Снижение роли Совнацмена к началу 1930-х гг. бесспорно повлияло и на дальнейшее развитие этого учебного заведения, одно лишь название которого – «Центральный» – продолжало указывать на амбиции и замыслы его организаторов начала 1920-х гг.

Если среднее педагогическое образование немцы могли получить наряду с Центральным педтехникумом также в аналогичных учебных заведениях АССР НП¹ [41, с. 76–78], Сибири и Украины² [42, с. 120; 23, с. 201], то подготовка немецких учителей с высшим образованием долгое время оставалась в СССР нерешенной проблемой. Вплоть до конца 1920-х гг.³ педагоги для немецких школ повышенного типа готовились главным образом только общей сетью педвузов – в порядке специального командирования в них колонистов («по броне»)⁴ [43, с. 290–291; 44, с. 129]. Катастрофическое положение с преподавателями для немецких школ повышенного типа привело к тому, что в местах компактного проживания немцев в СССР (1928) на родном языке обучалось всего 54 % учащихся семилетних школ, а в школах II ступени – только 31,2 %. Не лучше обстояло дело и с представительством

---

¹ Начало формирования системы подготовки национальных педагогических кадров в АО НП положило открытие в селении Зельман (Ровном) в 1922 г. первого национального педагогического техникума на базе школы 2-й ступени. В августе 1923 г. этот техникум был переведен в Марксштадт. В 1924/25 учебном году педтехникум имел подготовительное отделение и три основных курса с 96 учащимися. Второй немецкий педтехникум был также открыт в Зельмане (Ровном) и начал свою работу в начале 1927/28 учебного года на базе семилетней школы.

² В 1930 г. при Славгородском педтехникуме (Сибирь) было открыто немецкое отделение учителей на 80 чел, а также годовые курсы учителей на 40 чел. На Украине, в свою очередь, к концу 1920-х гг. учителя для немецких школ готовились в трех учебных заведениях (немсектор Одесского института народного образования (ИНО), Хортицкий и Пришибский педтехникумы).

³ Немецкий пединститут в Энгельсе открылся в 1929 г. По состоянию на 1.07.1929 г. в нем обучалось – 139 чел., на 1.11.1931 г. – 227 чел.

⁴ В 1927/28 учебном году в русскоязычных педагогических институтах РСФСР обучался всего 51 студент немецкой национальности. Число выпускников (1931/32 учебный год) составило всего 11 чел.

учителей с высшим образованием в целом по стране. Так, к примеру, даже в «привилегированной» АССР НП в 1924/25 учебном году из 725 учителей начальной школы высшее образование имели только пятеро, а из 95 учителей школ повышенного типа (1927/28 учебный год) – трое (3,1 %)¹ [45, с. 332; 46, с. 337–338]. Неудивительно, что сеть немецких школ повышенного типа как в АССР НП, так и за ее пределами, ввиду огромного дефицита педагогических кадров немецкой национальности, была далека от нормы, установленной декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. [46, с. 337–338].

Постоянное недокомплектование мест в Центральном педтехникуме, а также необходимость поддержания имиджа Немреспублики оказали решающее влияние для организации педагогического вуза для немцев на территории АССР НП². Открывшись в Энгельсе в сентябре 1929 г., Немецкий государственный пединститут должен был по замыслам его организаторов готовить кадры учителей не только для Немреспублики, но и для всей страны [24, с. 198–199]. Однако, несмотря на централизованный подбор абитуриентов как в самой АССР НП, так и в районах компактного проживания немцев в СССР, проводимого специальными уполномоченными, в пединституте наблюдался хронический недобор студентов. Проблему с его укомплектованием не смогли решить даже методом мобилизации партийного и комсомольского молодежного актива³ [24, с. 199–201; 46, с. 343]. Невозможность ликвидировать дефицит учителей путём их четырёхлетней подготовки

---

¹ В соответствии с планами НКП АССР НП для школ повышенного типа предполагалось подготовить к 1934 г. около 500 учителей.

² Численность немецкого меньшинства на территории РСФСР более чем в два раза превышала число немцев – «титულიной нации» в Немреспублике.

³ Первый выпуск учителей (ок. 40 чел.) состоялся в 1934 г. Учитывая потребности АССР НП, это была «капля в море», не говоря уже о потребностях немецких учителей для повышенных школ в рамках всего СССР. Остается добавить, что и в последующие годы количество выходящих из стен пединститута учителей не могло полностью удовлетворить запросы Немреспублики, так как набор студентов в этот вуз радикально не увеличивался (в 1933 г. – 106 чел., 1935 – 90 чел., в 1936 – 101 чел.).

привела к созданию при Немецком пединституте отдельного двухгодичного учительского института, где будущие педагоги немецких школ-семилеток готовились по «урезанной» программе¹ [24, с. 204].

В целом к началу 1930-х гг. положение с кадрами учителей для немецких школ по всей стране оставляло желать лучшего² [23, с. 203]. Новые кадры, как уже указывалось, можно было пересчитать по пальцам, а переподготовка «старых» осуществлялась очень медленно [36. Л. 41; 47. Л. 1–1 об.]. Отсутствие единого координационного центра по осуществлению руководства немецким просвещением в СССР отражалось не только на программах преподавания, распределении новых кадров, но и подготовке/переподготовке немецкого учительства в рамках всей страны³. Фактически, только Первый съезд немецких работников просвещения, состоявшийся в Москве в июле 1927 г., впервые заявил о необходимости объединения усилий республиканских наркомпросов, включая вопрос подготовки и переподготовки педкадров [36, л. 44]. В качестве примера одной из таких совместных акций можно назвать организацию центральных курсов для немецких учителей-обществоведов в Таганроге летом 1928 г. под эгидой Немецкой Центрсовнацмена НКП РСФСР. Эти курсы охватили 40 чел. и комплектовались по принципу «добровольности» из учителей немецких школ РСФСР, Азербайджана, Казахстана и Киргизии⁴ [4, л. 86–87 об.]. Причем, несмотря на то, что большинство из курсантов (ок. 90 %)

---

¹ Первый набор в учительский институт произошел в 1935 г. – 30 студентов, а в 1937 г. число его абитуриентов достигло уже 189 чел.

² Так, к примеру, если в Сибири в 1926 г. не хватало около 30 учителей для немецких школ, то в 1927/28 учебном году – уже более 60.

³ В числе совместных акций наркомпросов (НКП РСФСР и НКП АССР НП) можно назвать также издание совместного педагогического журнала «Zur neuen Schule» (основного методического органа для учителей), а также выработку совместных издательских планов учебной литературы.

⁴ Что касается социального состава прибывших на учебу учителей, то основную их часть составили крестьяне – 75,5 % и служащие – 15 %. Шестеро из них являлись членами ВКП(б) и ВЛКСМ, а основная масса была беспартийной – 85,0 %.

имели среднее образование, в целом их образовательный и политический уровень был весьма низок [4, л. 88 об.].

Подобная ситуация – низкий образовательный уровень «новых» педагогических кадров, постепенно вытеснявших «старые», – наблюдалась по всей стране. Так, к примеру, в результате проверки учительского состава в Сибири (1926/27 учебный год) было установлено, что некоторые из «новых» учителей были даже не в состоянии написать обычный текст без грамматических ошибок [21, с. 174; 23, с. 209]. Если предположить, что прибывшие на центральные курсы в Таганрог учителя были далеко не самыми худшими из имевшихся в наличии ОНО педкадров, то на практике ситуация с подбором преподавательского персонала для немецких школ была весьма далека от идеала. Ни бронирование мест для немецких студентов в русскоязычных педвузах, ни организация многомесячных курсов повышения квалификации учителей, ни увеличение числа повышенных школ с педагогическим уклоном не могли кардинальным образом изменить ситуацию с «обновлением» персонала в немецких школах на протяжении всех 1920-х гг. Руководство Ленинградского обкома ВКП(б), например, констатировало в 1928 г. полное отсутствие «общественной жизни» в немецких школах, так как «большинство учителей вышло из среды старой петербургской интеллигенции». Башкирский обком ВКП(б), в свою очередь, считал большим достижением, что благодаря «нажиму» на учителей дети колонистов после десятилетия советской власти (1928) уже научились «петь Интернационал!». Крымский обком ВКП(б) сообщал в ЦК ВКП(б) в 1928 г. о том, что в основной своей массе имевшиеся в наличии ОНО немецкие учителя «религиозны [и] сознательно поддерживают антисоветские элементы». Омский окружком ВКП(б) отмечал полное засилье в немецких школах (1928) «кулацкого и религиозного влияния» [9, л. 59–60]. Заведующий подотдела нацмен

Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Гофферт, характеризуя развитие национального просвещения в крае (1930), был вынужден заметить, что «особо плохо обстоит вопрос с учительскими кадрами. Большинство немецких [учителей – В.Д.] не квалифицировано [sic] и не отвечает запросам советской трудовой школы» [48, л. 8]. Не радовало центр и состояние развития интернационального воспитания учеников в немецких школах, а также рост в них антисемитизма, напрямую отражавших позиции самих учителей. «Немецкого учителя прежде всего надо переподготовить, убеждать, советизировать, – констатировало руководство ЦБ немсекций при ЦК ВКП(б) (1928), объясняя свои упущения в процессе руководства немецким образованием, – [и только] потом можно говорить [и] об интернациональном воспитании [в школе – В.Д.]» [9, л. 60].

К концу 1920-х гг., по данным АПО ЦК ВКП(б), немецким школам дополнительно требовалось около 680 новых учителей, а их ежегодный выпуск всеми учебными заведениями страны едва превышал 60 чел. [9, л. 50; 42, с. 120]. В целом, несмотря на все усилия центра, к ноябрю 1929 г. среди учителей немецких школ в СССР только 3 % являлись членами ВКП(б) и ВЛКСМ и лишь менее 1/5 (или 18 %) представляли поколение учителей «советской» формации¹ [49, л. 55–56]. Основной костяк немецкого учительства (82 %) продолжали составлять выходцы из «старой» школы, нередко до октября 1917 г. совмещавшие учительскую деятельность с должностями священнослужителей или их помощников² [49, л. 55–56; 50, л. 130 об.]. Несмотря на все проводимые «чистки», далека от идеальной к концу 1920-х гг. была и социальная структура немецкого учительства. Например, в Омском

---

¹ Причем в АССР НП доля учителей-коммунистов была в два раза выше, чем в целом по СССР и достигала 6 %.

² По другим данным, доля «новых» учителей в целом по Союзу составляла не более 12–15 %.

округе (1929/30 учебный год) почти 20 % всех немецких учителей являлись выходцами из зажиточных семей и только 3 % – из рабочих [42, с. 120]. Не лучше была ситуация и в «образцовой» АССР НП [51, л. 8]. Ожидать от таких кадров полной лояльности советскому режиму, а также особого рвения в области проведения общественно-воспитательной работы в немецких школах не приходилось, особенно учитывая острый недостаток на местах немецких инспекторов ОНО, партийного и комсомольского актива.

6. Заключение

Несмотря на все трудности проведения советизации системы немецкого образования в РСФСР, партийные и советские органы все же добились определенного успеха в осуществлении своих целей. Был установлен контроль за школьным и внешкольным образованием детей и молодежи, проведен ряд мероприятий, подрывавших «автономность» немецкой школы и учителя, а из числа «колонистов» была создана немногочисленная прослойка «новых» – просоветски настроенных учителей. Вместе с тем вплоть до конца 1920-х гг. немцам удавалось в результате активного и упорного противодействия властям сохранять свою самобытную систему образования. Лишь в 1930-е гг., в результате коллективизации и массовых репрессий, коренным образом изменивших всю социально-экономическую структуру немецких селений, московскому руководству удалось в целом провести советизацию немецких школ. Единственным и важнейшим признаком национальной немецкой школы оставался язык преподавания – немецкий, все остальные самобытные черты растворились в процессе советизации. В 1938 г. был осуществлен последний акт ее унификации: все немецкие школы страны (за исключением АССР НП) были переведены на русский язык преподавания [52, с. 212–213].

Список литературы

1. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, 5.06.1918 // Полн. собр. соч. – М.: Госполитиздат, 1963–1965. – Т. 36. – С. 420–421.
2. Письмо ЦК РКП(б) всем комитетам партии о работе среди работников просвещения, 18.09.1921 // КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2. – С. 448–451.
3. Stricker Gerd: Rußlanddeutsches Bildungswesen. Von den Anfängen bis 1941 // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland. Hg. v. Gerd Stricker. – Berlin: Siedler Verlag, 1997. – S. 420–481.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – везде ГАРФ). Ф. А–296. Оп. 1. Д. 111.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – везде РГАСПИ). Ф. 549. Оп. 4. Д. 40.
6. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 504.
7. Савин А. Борьба за будущее. Немецкие школы Сибири и политика советизации колоний в 1920-е гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М.: Готика, 1996. – С. 406–421.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 719.
9. ГАРФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 293.
10. Кронгардт Г.К. Немцы в Кыргызстане. 1880–1990 гг. – Бишкек: Илим, 1997.
11. РГАСПИ. Ф. 1–МО. Оп. 23. Д. 145.
12. ГАРФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 111.
13. Красовицкая Т.Ю. Модернизация России. Национально-культурная политика 20-х гг. – М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1998.
14. Long James W. From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917. – Lincoln, London: University of Nebraska Press, 1988.
15. РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 4. Д. 257.
16. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 1. – Саратов: Саратов. ун-т, 1992.
17. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. – М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2003.
18. РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 4. Д. 243.
19. Schleicher J. Die deutschen Schulen im multinationalen Kreis Slavgorod (1919–1924). // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. – 2000. – № 10. – S. 133–146.
20. Hedeler Wladislaw – Andrej Savin: Die Deutschen in der UdSSR – eine «fünfte Kolonne»? Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. – Bd. 42. 2006. – Heft 2–3. – S. 315–324.
21. Brandes Detlef – Andrej Savin: Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. – Essen: Klartext Verlag, 2001.
22. Безносков А.И. Религиозная жизнь немецкого населения юга Украины и политика советской власти (1920–1928) // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. – М.: Готика, 2000. – С. 329–342.
23. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). – М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2000.
24. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Саратов: Саратов. ун-т, 1994.

25. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): сб. док. / сост. Т.Н. Плохотнюк. – Ставрополь: СГУ, 2002.

26. Шрадер Т.А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х гг. // Немцы и развитие образования в России. – СПб., 1998. – С. 260–268.

27. Die Lehrerkurse in Moskau // Hammer und Pflug (Odessa). – № 16 v. 26.7.1924. – S. 3.

28. Zentrale Lehrerkurse // Der Landmann. – № 20 (153) v. 25.7.1926. – S. 6.

29. Зейналова С. Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941). – Баку: Араз, 2002.

30. Євтух В.Б. – Б.В. Чирко: Німці в Україні (1920-і – 1990-і роки). – Київ: Інтел, 1994.

31. Из истории немцев Казахстана (1921–1975): сб. док. (архив президента Республики Казахстан) / сост. И.Н. Бухонова. – Алматы, М.: Готика, 1997.

32. РГАСПИ. Ф. 1–МО. Оп. 23. Д. 772.

33. ГАРФ. Ф. Р–1235. Оп. 119. Д. 39.

34. Зюсс В. Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде // Немцы в России. Петербургские немцы. – СПб., 1999. – С. 452–474.

35. Das Deutsche Zentraltechnikum in Leningrad // Zur Neuen Schule. 1926. H. 5/6. S. 5–8.

36. ГАРФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 273.

37. Aufnahmebedingungen für das höhere deutsche Pädagogische Zentraltechnikum in Moskau 1925 // Hammer und Pflug (Odessa). – № 67 v. 25.7.1925. – S. 3.

38. Гартвиг Б. Классовая дискриминация в системе образования АССР НП и ее последствия // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941). – М.: Готика 2002. – С. 329–338.

39. РГАСПИ. Ф. 1–МО. Оп. 23. Д. 569.

40. РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 23. Д. 720.

41. Ерина Е.М. – А.Н. Штукерт: Средние специальные педагогические учебные заведения Немецкой автономии на Волге // Сообщ. Энгел. краевед. музея. Вып. 5. – Саратов: ЭКМ, 1997. – С. 74–85.

42. Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. – Топчиха, 1995.

43. Национальная политика ВКП(б) в цифрах. – М.: Изд-во Коммунист. акад., 1930.

44. Карнеев И. О национальных кадрах культурного строительства // Национально-культурное строительство за 15 лет. – М.; Л., 1933. – С. 115–152.

45. Вашкау Н. Немецкая национальная школа в Поволжье в 20–30-е гг. XX в. // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. – М.: Междунар. союз немец. культуры, 1995. – С. 329–335.

46. Ерина Е.М. К истории Немецкого государственного педагогического института // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. – М.: Междунар. союз немец. культуры, 1995. – С. 336–345.

47. ГАРФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 217.

48. ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 23. Д. 1324.

49. ГАНО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 3996.

50. ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 42. Д. 95.

51. РГАСПИ. Ф. 1–МО. Оп. 23. Д. 841.

52. Из истории оренбургских немцев: сб. док. (1817–1974) / отв. ред. В.В. Амелин. – Оренбург; М.: Готика, 2000.

References

1. Lenin V.I. *Rech' na 1-om Vserossijskom s'ezde uchitelej-internacionalistov, 5.06.1918* [Speech at the 1st All-Russian Congress of Internationalist Teachers, 5.06.1918] // *Poln. sobr. soch.* [Complete collected works]. – Moscow: Gospolitizdat, 1963–1965. – Vol. 36. – P. 420–421.
2. *Pis'mo CK RKP(b) vsem komitetam partii o rabote sredi rabotnikov prosveshhenija, 18.09.1921.* [Letter of the Central Committee of the RCP (b) to all party committees on the work among educators, 18.09.1921] // *KPSS v rezoljucijah s'ezdov, konferencij i plenumov CK* [CPSU in resolutions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. – Moscow: Politizdat, 1983. – Vol. 2. – P. 448–451.
3. Stricker Gerd: *Rußlanddeutsches Bildungswesen. Von den Anfängen bis 1941 // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland.* Hg. v. Gerd Stricker. – Berlin: Siedler Verlag, 1997. – P. 420–481.
4. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee vezde GARF)* [State Archives of the Russian Federation (hereinafter – GARF)]. F. A–296. Op. 1. D. 111.
5. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (dalee vezde RGASPI)* [Russian state archive of social and political history (hereinafter – RGASPI)]. F. 549. Op. 4. D. 40.
6. RGASPI. F. 529. Op. 1. D. 504.
7. Savin A. *Bor'ba za budushhee. Nemeckie shkoly Sibiri i politika sovetizacii kolonij v 1920-e gody* [Struggle for the future. German schools of Siberia and the policy of the colonies Sovietization in the 1920s] // *Rossijskie nemcy. Problemy istorii, jazyka i sovremennogo polozhenija* [Russian Germans. Problems of history, language and modern situation]. – Moscow: Gotika, 1996. P. 406–421.
8. RGASPI. F. 17. Op. 113. D. 719.
9. GARF. F. A–296. Op. 1. D. 293.
10. *Krongardt G.K. Nemcy v Kyrgyzstane 1880–1990 gg.* [Germans in Kyrgyzstan 1880–1990]. – Bishkek: Ilim, 1997.
11. RGASPI. F. 1–MO. Op. 23. D. 145.
12. GARF. F. A–296. Op. 1. D. 111.
13. *Krasovickaja T.Ju. Modernizacija Rossii. Nacional'no-kul'turnaja politika 20-h godov* [Modernization of Russia. National and cultural policy of the 20s]. – Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN, 1998.
14. Long James W. *From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917.* – Lincoln, London: University of Nebraska Press, 1988.
15. RGASPI. F. 549. Op. 4. D. 257.
16. *German A.A. Nemeckaja avtonomija na Volge 1918–1941* [German autonomy on the Volga 1918–1941]. Part 1. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1992.
17. *Chebotareva V.G. Narkomnac RSFSR: svet i teni nacional'noj politiki 1917–1924 gg.* [People's Commissariat of the RSFSR: light and shadows of the national policy of 1917–1924]. – Moscow: Obshhestvennaja akademija nauk rossijskih nemcev, 2003.
18. RGASPI. F. 549. Op. 4. D. 243.
19. Schleicher J. *Die deutschen Schulen im multinationalen Kreis Slavgorod (1919–1924) // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen.* – 2000. – № 10. – P. 133–146.

20. Hedeler Wladislaw – Andrej Savin: Die Deutschen in der UdSSR – eine „fünfte Kolonne“? Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU. // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 42. – 2006. – Heft 2–3. – P. 315–324.

21. Brandes Detlef – Andrej Savin: Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. – Essen: Klartext Verlag, 2001.

22. *Beznosov A.I. Religioznaja zhizn' nemeckogo naselenija Juga Ukrainy i politika sovetskoj vlasti (1920–1928 gg.)* [Religious life of the German population of the South of Ukraine and the policy of the Soviet Power (1920–1928)] // *Nemcy Rossii i SSSR: 1901–1941 gg.* [Germans of Russia and the USSR: 1901–1941]. – Moscow: Gotika, 2000. – P. 329–342.

23. *Cherkaz'janova I.V. Nemeckaja nacional'naja shkola v Sibiri (XVIII v. – 1938 g.)* [German National School in Siberia (XVIII century – 1938)]. – Moscow: Obshhestvennaja akademija nauk rossijskich nemcev, 2000.

24. *German A.A. Nemeckaja avtonomija na Volge 1918–1941* [German autonomy on the Volga 1918–1941]. – Part 2. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1994.

25. *Nemeckoe naselenie Severnogo Kavkaza: social'no-jekonomicheskaja, politicheskaja i religioznaja zhizn' (poslednjaja chetvert' XVIII – seredina XX v.). Sbornik dokumentov* [German population of the North Caucasus: socio-economic, political and religious life (last quarter of the XVIII – mid-XX century). Collection of documents]. S–tavropol': SGU, 2002.

26. *Shrader T.A. Shkol'noe obrazovanie v nemeckih kolonijah Leningradskoj gubernii v 20-h gg.* [School education in the German colonies of the Leningrad province in the 20s] // *Nemcy i razvitie obrazovanija v Rossii* [Germans and the development of education in Russia]. – SPb., 1998. – P. 260–268.

27. Die Lehrerkurse in Moskau // Hammer und Pflug (Odessa). – № 16 v. 26.7.1924. – P. 3.

28. Zentrale Lehrerkurse // Der Landmann. – № 20 (153) v. 25.7.1926. – P. 6.

29. *Zejnaloza S. Nemeckie kolonii v Azerbajdzhane (1819–1941 gg.)* [German colonies in Azerbaijan (1819–1941)]. – Baku: Araz, 2002.

30. *Єvtuh V.B. – B.V. Chirko: Nimci v Ukraïni (1920-i – 1990-i roki).* Kïiv: Intel, 1994.

31. *Iz istorii nemcev Kazahstana (1921–1975 gg.). Sbornik dokumentov (Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan)* [From the history of the Germans in Kazakhstan (1921–1975). Collection of documents (Archive of the President of the Republic of Kazakhstan)]. Sost. I.N. Buhonova. – Almaty, Moscow: Gotika, 1997.

32. RGASPI. F. 1–MO. Op. 23. D. 772.

33. GARF. F. R–1235. Op. 119. D. 39.

34. *Zjuss V. Central'nyj nemeckij pedagogicheskij tehnikum v Leningrade* [Central German Pedagogical College in Leningrad] // *Nemcy v Rossii. Peterburgskie nemcy* [Germans in Russia. Petersburg Germans]. – St.Petersburg, 1999. – P. 452–474.

35. Das Deutsche Zentraltechnikum in Leningrad // Zur Neuen Schule. – 1926. H. 5/6. – P. 5–8.

36. GARF. F. A–296. Op. 1. D. 273.

37. Aufnahmebedingungen für das höhere deutsche Pädagogische Zentraltechnikum in Moskau 1925. // Hammer und Pflug (Odessa). – № 67 v. 25.7.1925. – P. 3.

38. *Gartvig B. Klassovaja diskriminacija v sisteme obrazovanija ASSR NP i ee posledstvija* [Class discrimination in the ASSR NP education system and its consequences] // *Nemcy Rossii: social'no-jekonomicheskoe i duhovnoe razvitie (1871–1941)* [Germans of Russia: socio-economic and spiritual development (1871–1941)]. – Moscow: Gotika 2002. P. 329–338.

39. *RGASPI*. F. 1–MO. Op. 23. D. 569.

40. *RGASPI*. F. M–1. Op. 23. D. 720.

41. *Erina E.M. – A.N. Shtukert: Srednie special'nye pedagogicheskie uchebnye zavedenija Nemeckoj avtonomii na Volge* [Secondary specialized pedagogical educational institutions of the German autonomy on the Volga] // *Soobshhenija Jengel'sskogo kraevedcheskogo muzeja* [Messages from the Engels Museum of Local Lore]. Iss. 5. – Saratov: JeKM, 1997. P. 74–85.

42. *Brul' V.I. Nemcy v Zapadnoj Sibiri* [Germans in Western Siberia]. – Part 1. Topchiha, 1995.

43. *Nacional'naja politika VKP(b) v cifrah* [National policy of the CPSU (b) in figures]. – Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy Akademii, 1930.

44. *Karneev I. O nacional'nyh kadrah kul'turnogo stroitel'stva* [About national personnel of cultural construction] // *Nacional'no-kul'turnoe stroitel'stvo za 15 let* [National-cultural construction for 15 years]. – Moscow, Leningrad, 1933. – P. 115–152.

45. *Vashkau N. Nemeckaja nacional'naja shkola v Povolzh'e v 20–30-e gg. XX v.* [German national school in the Volga region in the 20-30s of the XX century] // *Rossijskie nemcy na Donu, Kavkaze i Volge* [Russian Germans on the Don, Caucasus and Volga]. – Moscow: Mezhdunarodnyj sojuz nemeckoj kul'tury, 1995. – P. 329–335.

46. *Erina E.M. K istorii Nemeckogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [On the history of the German State Pedagogical Institute] // *Rossijskie nemcy na Donu, Kavkaze i Volge* [Russian Germans on the Don, Caucasus and Volga]. – Moscow: Mezhdunarodnyj sojuz nemeckoj kul'tury, 1995. – P. 336–345.

47. *GARF*. F. A–296. Op. 1. D. 217.

48. *GARF*. F. R–3316. Op. 23. D. 1324.

49. *GANO*. F. P–2. Op. 1. D. 3996.

50. *GARF*. F. R–3316. Op. 42. D. 95.

51. *RGASPI*. F. 1–MO. Op. 23. D. 841.

52. *Iz istorii orenburgskih nemcev. Sbornik dokumentov (1817–1974 gg.)* [From the history of the Orenburg Germans. Collection of documents (1817–1974)]. Ed. V.V. Amelin. – Orenburg, Moscow: Gotika, 2000.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 929(47)"18"

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

И.В. Дубинин, И.Г. Иванцов

Личная жизнь сотника И.Д. Попко

В отечественных исторических исследованиях тема повседневной жизни людей в провинциальном городе вызывает большой интерес. Весьма значимым подспорьем для подобных изысканий являются материалы личного происхождения. В предлагаемой статье таким источником выступает переписка генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска, автора трудов по истории казачества, военного историка, этнографа, краеведа, общественного деятеля Кубани и Ставрополья, организатора первых музеев на Северном Кавказе Ивана Диомидовича Попко (Попки) (1819–1893). Будущий прославленный генерал в описываемое время сотник, переписывался со своим другом Василием Федоровичем Золотаренко, который в 1848 г. переехал в Ставрополь. Темой писем являются факты и события из жизни автора, его размышления о различных аспектах жизни провинциального города Екатеринодара середины XIX в., личных переживаниях, отношениях с женщинами, родственниками и близкими.

Ключевые слова: «Гименейские шашни», И.Д. Попко, личные письма, личная жизнь, повседневность, служба, события.

Igor' V. Dubinin, Igor' G. Ivantsov

Personal life of the centurion I.D. Popko

In Russian historical research the topic of everyday life of provincial citizens is of great interest. Materials of personal origin are a very significant source for such a research. This article is based on the correspondence of Lieutenant General of the Kuban Cossack army, author of works on the Cossacks history, military historian, ethnographer, local historian, public figure of Kuban and Stavropol, organizer of the first museums in the North Caucasus, Ivan Diomidovich Popko (Popki) (1819–1893). The future famous General, at the time described – a centurion (sotnik), corresponded with his friend, Zolotareno Vasily Fedorovich, who in 1848 moved to Stavropol. The letters review the facts and events from the author's life, his reflections on various aspects of life in the provincial city of Ekaterinodar in the middle of the XIX century, personal experiences, relationships with women, relatives and friends.

Key words: "Hymenean Affairs", I.D. Popko, personal letters, personal life, everyday life, service, events.

История жизни и деятельности И.Д. Попко являлась в разное время темой исследований С.В. Фарфаровского [1; 2], Б.М. Городецкого [3], Б.А. Трехбрата [4], А.И. Слуцкого [5]. Изучалась его литературная деятельность [6]. Таким образом официальная биография генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска изучена хорошо. Но есть и другое направление исследований, разработанное совершенно недостаточно. Это частная, личная жизнь И.Д. Попко.

Тема актуальна в связи с давно уже возникшим интересом к исследованиям частной жизни. Данная статья посвящена повседневной личной жизни тогда еще молодого сотника, письмоводителя Черноморского казачьего войска (ЧКВ), затем с 1851 г. – адъютанта командующего войск Кавказской линии и Черномории, наказного атамана ЧКВ, генерала кавалерии Н.С. Завадовского.

Главной целью предлагаемой статьи является изучение повседневной частной городской жизни войскового града Екатеринодара, круга интересов и устремлений его жителей через призму восприятия одного из них – И.Д. Попко.

Источником для написания статьи послужили архивные дела фонда 377 государственного архива Ставропольского края, в котором выявлены материалы, представляющие личную переписку Ивана Димидовича Попко с другом В.Ф. Золотаренко. Хронологически они охватывают период с 1847 по 1855 гг. и содержат сведения о некоторых аспектах личной жизни будущего генерала.

В истории Кубани и Ставрополья личность И.Д. Попко весьма значима. Генерал внес огромный вклад в историю и культуру Кавказа. Его многолетняя боевая жизнь была связана с такими известными кавказскими военачальниками, как Г.А. Рашпиль, Н.С. Завадовский, Я.Г. Кухаренко, Н.И. Евдокимов, Н.Н. Муравьев, А.Ф. Багговут, М.Т. Лорис-Меликов и др. Широко известен он был и как автор фунда-

ментальных трудов по истории казачества: «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» и «Терские казаки со стародавних времен. Гребенское войско». Его перу принадлежал целый ряд статей, опубликованных в «Военном сборнике» [7], газетах «Русский инвалид» [8–11] и «Кавказ» [12; 13] и т. д., которые он печатал под псевдонимами Есаул и Помандруйко.

Гораздо менее изучены обстоятельства личной жизни генерала. Известно, что он никогда не был женат. Исследователи жизни и творчества И.Д. Попко иногда задаются вопросом, почему он так и не нашел себе спутницу жизни, были ли у него такие попытки.

Выявленные материалы позволяют немного приоткрыть эту страницу его жизни. Читая и анализируя послания, мы можем понять причину такого поворота судьбы историка.

Исследование и анализ личных писем позволяет думать, вопреки расхожему мнению, что Иван Диомидович не был скромным и аскетичным человеком. В его жизни присутствовало все: и кутежи с выпивкой и игрой в преферанс (одно из популярнейших времяпрепровождений в Екатеринодаре середины XIX в.), и участие в походах против горцев. «Усердно, дружно и стремительно понеслись Черкесы в бой. Их поддерживала сотня конных казаков. Вслед за нею, генерал послал в дело своего адъютанта, более других от него неотлучного, войскового старшину Попку, с конною ракетною командою. Произошла блистательная кавалерийская схватка, в которой Шапсуги смяты и с значительным для них вредом, прогнаны в ближайший лес» [14, с. 7].

Если судить по сохранившемуся эпистолярному наследию И.Д. Попко, можно понять, что повседневная жизнь в столице Черномории мало чем отличалась от других провинциальных городов Российской империи: люди жили, торговали, воевали, строили свою личную жизнь. «(Бир...) сопряглась на брачном ложе с хорунжим Бельчан-

ским – страшным олухом» [15, л. 20], «Саша Кривоносова вышла за сотника Шелеста..., Еременко скоростижно женился на своей кухарке» [15, л. 34 об.], а «дочь Рашпиля наконец формально выходит замуж за Перекреста». И тут же добавляет, «что в настоящую минуту свирепствует здесь эпидемия законного сочетания штанов с юбками» [15, л. 55 об.]. В нескольких письмах он упоминает не менее свирепую эпидемию, чем холера, – гиеноманию, и одну из ее виновниц – Егориху – «благочестивую, но весьма склонную к сводничеству» [15, л. 20].

Случались и довольно курьезные случаи, с уголовным подтекстом: «Здесь служат войсковой контролер и его помощник. Последний – холостяк, у первого дочь – невеста. Последний просил у первого простертую к нему – к последнему – руку дочери первого. Первый отказал последнему. Последний похитил у первого дочь и обвенчался с ней в ст. Усть-Лабинской» [15, л. 47 об.]¹, а «соседка моя, старуха Капитная родила незаконно мальчишку» и так, между делом интересуется: «не продаются ли за отъездом дешевою ценою пролетки?» [15, л. 28 об.].

Рассказывая другу об одном из путешествий в недавно образованный город-порт Ейск, он пишет, что «тут уже нет ничего казацкого все городские русские. Народу тьма, постройки кипят. Несколько улиц уже сформированы. Церковь, трактир, лавки, кабаки – все уже есть». И задается вопросом: «не знаю – забыл справиться – есть ли бордели», – на который сам же и отвечает: «Да уж верно есть эти неразлучные спутницы трактиров» [15, л. 60 об.].

Не обошла стороной эта эпидемия и Ивана Диомидовича. Как перспективный жених, И.Д. Попко пользовался популярностью. Его сватовству к внучке купца Д.И. Самойлова, проходящему в его письмах как Вахх или Бахус, посвящено не одно письмо. К сожалению, на

---

¹ Станица Усть-Лабинская – одна из первых станиц Краснодарского края, основана в 1794 г. С 1958 г. – город Усть-Лабинск.

данный момент установить более полную информацию о личности ви-ночерпия не удалось. Нужно только заметить, что все прозвища, да-ваемые друзьями персонажам своих писем, имеют скрытый смысл, к примеру, Патриарх¹, Экзарх² или Черномазый дьяконец³ и т. д.

Так, в письме от 1 ноября 1848 г. И.Д. Попко пишет другу, что «на Бахусовой внучке меня сватают» и просит Василия Федоровича: «Напишите мне Ваше мнение на этот предмет...» [15, л. 8 об.]. Но уже в следующем письме от 6 декабря того же года советует другу: «Знае-те ли, что я скажу Вам: не ищите жены, а ищите друга, который был бы, во 1-х холост и одинок, во 2-х беден, как Вы, в 3-х не невежа, в 4-х искренний по мере надобности, в 5-х скромный и в 6-х, в душе которо-го Ваше хоть мимолетное раздумье находило бы себе порою отголо-сок. Требовать высших добродетелей было бы слишком; да притом самому требователю прежде надобно обладать ими. Но если кто не имеет товарища с исчисленными качествами – горе тому человеку» [15, л. 10 об.]. И добавляет, что «у Кучеровых бываю очень редко, по-тому что они сведав о сватовстве моем мнимом у С[амойлова] сдела-лись холодными» [15, л. 11 об.].

У войскового старшины, штатного смотрителя Екатеринодарского войскового окружного училища Андрея Андреевича Кучерова была дочь на выданье, которая в письмах проходит, как Elise. О ней в пись-ме от 19 ноября 1849 г. Иван Диомидович писал, что «Elise Кучерова женится на хорунжем Исаке Кривцове – в великий соблазн и ослаб-ление екатеринодарской публике, кушающей бублики» [15, л. 34 об.]. То есть смотритель А.А. Кучеров тоже имел виды на И.Д. Попко как на потенциального жениха.

---

¹ Попка Диомид Нестерович – протоиерей станицы Тимашевской, отец И.Д. Попко.

² Золотаренко Федор Герасимович – священник станицы Васюринской, отец В.Ф. Золотаренко.

³ Попов Михаил – дьякон церкви станицы Васюринской, муж сестры В.Ф. Зо-лотаренко Гликерии.

В конце письма от 1 ноября 1848 г. И.Д. Попко добавляет, что «известное Вам *ex parte* (фр. – одностороннее) дело по части Гименея вот в каком теперь положении: почтенные особы – в числе их и патриарх, улаживающий дельце. Это дошло до окончательных благоприятных результатов. Вакх рад от души этой партии. Что касается до меня самого, то и сердце, и рассудок подают решительный голос в пользу этого дела» и тут же, будучи человеком рассудительным, выражает сомнения: «Но – Боже Великий – этот страшный переворот в жизни поставляет меня в решительный тупик. Какое-то грустное предчувствие говорит мне, что мне ли суждено насладиться тихой и спокойною жизнью, что между настоящею минутою и могилою много еще приготовлено для меня толчков и приключений... и что несчастное было бы это создание, которое я вздумал бы приковать к своей судьбе глупой и жалкой...» [15, л. 12, 12 об.].

17 января 1849 г. он упрекает Василия Федоровича: «По части Гименея я писал Вам только как о думе, более, или менее крепкой, а не как о намерении, а Вы уж распространились как о намерении и при том – как бы уже приводимом в исполнение» и добавляет: «Я всегда был тех мыслей, что к подобным целям надобно идти самым хохляцким, т. е. медленным шагом. А я еще и таким шагом не шел, а только думал или лучше сказать был побуждаем идти. Да вот и раздумываю. Правда – я проник в чертоги Вакха. Но – *veni, vidi* и не – *vici*, но разочаровался и в идеях яко и сие есть суета и произволение духа... И это поползновение к ложу Гименея дало мне лучше оценить мировые радости одиночества. О божество одиночества! Останусь я лучше твоим поклонником: ты не даешь распотных наслаждений, но не надаешь так же грязных и тяжких забот и глупых рогов...

Вот видите – я приветствую новый год гимном одиночеству. Не будем же более манить Гименея новою жертвою...» [15, л. 18а, 18а об.].

Но жизнь продолжалась и в следующем послании: 15 февраля он сообщает другу, что «с наступлением поста я произнес обет – с служебной стези никуда в сторону не сворачивать – не бывать в свете, и предаться труду, труду, труду. О, какое было гадкое время! Была поправа даже 7-я заповедь (Не прелюбодействуй) и жительствовала в моем аббатстве смазливая кухарка. Но – все изгнано. Надолго ли власть Господа» – задает он риторический вопрос и в заключение пишет: «О Гименее и помыслу и помину нет» [15, л. 19 об.].

19 ноября И.Д. Попко пишет другу, что с ним произошло «известное, занимательное приключение», которое «держу во мраке неизвестности даже от Анфима¹. Оно приключение, надеюсь останется светлым и девственным для непосредственного повествования самого героя» [15, л. 33 об.].

К сожалению, выяснить, что же за таинственное приключение случилось у молодого сотника, авторам статьи не удалось.

Тема «гименейских шашней» снова всплывает в послании от 27 ноября 1849 г., когда Иван Диомидович пишет, что «изречение Волобуихи относительно Гименейских шашней – просто невинная брехня – плод тучного воображения. Вот Вам нагая истина: зри наоборот», далее следуют подробности о том, что «старик и старуха в высшей степени согласны и рады припустить меня к своей внучке, но отец оной внучки решительно не желает видеть ее совокупляющуюся (что, впрочем, и трудно видеть) в бурьяне Черномории, и неблагодарно требует оную от стариков в Керчь» и в заключение обещает: «в таком ныне положении находится производство дела сего; о дальнейшем же онаго движения я буду иметь честь уведомить Вас, Мил[остивый] Гос[ударь]» [15, л. 38, 38 об.]. В следующих письмах тема «онаго движения» больше не упоминается.

---

¹ Попка Анфим Диомидович – священник, родной брат И. Д. Попко.

11 декабря того же года последний раз упоминается дочь Вакха. В этом послании И.Д. Попко рассказывает о текущих делах в отношениях: «Коснусь теперь некоторого щекотливейшего предмета. В некотором из посланий моих я представил Вам весьма краткие объяснения насчет шашней Гименейских. Ведь начинаю быть чувствительным к узам сказанного божества. Добрые люди, преимущественно Анна Николаевна с свирепым усердием стараются припустить меня брачным образом ко дочери Вакховой. Вот и поддался, побывал у виночерпия и раз и два – добрые люди уже воображают меня, с неистово глупейшим выражением физиономии, поднимающего подол зрелой невинности в первую ночь брачных оргий. Но – вдруг – не тут то было» [15, л. 42, 42 об.]. И ставит жирную точку в своих отношениях с ней: «Как обсужу безпристрастно глупопечальный и горьких нужд исполненный быт бедного женатого человека – мороз подерет по коже. Рассудок – этот квартальный надзиратель в душе человека, посредством будочников – силлогизмов – изгоняет из сердца всякое сладострастное покушение – я прекращаю всякое сношение с чертогами Вакха» [15, л. 42 об.].

В первом письме нового 1850 г. он пишет: «Спокойствие минувшего года было возмущено помышлениями о женитьбе. Отгоним эти грешные и пагубные помыслы на наступивший год» [15, л. 46 об.].

В течение всего 1850 г. тема сватовства и личной жизни в письмах к другу не упоминались и только 2 ноября 1850 г. Иван Диомидович советует Василию Федоровичу: «Душа свободна от недоимок служебной подати. Беру перо и пишу Вам, Василий Федорович, неразлучный душевный товарищ с утра и за полночь моей жизни. Оставляю внешний и коснусь внутренних миров Вашего и моего. В настоящую пору наших существований – кажется исход лета, если полно не начало осени – какая дума занимает Вас, какая светлая звезда светит Вам во мраке грядущих годов? – женитьба. Ладно – женитесь. Вы имеете способ-

ность к супружеской, семейной жизни. Сказав способность – я отнюдь не разумею под этим словом благоустроенное детопроизводительное орудие. Я хочу сказать, Вы имеете способность заботиться о себе, сберечь копейку, приладить к обстоятельствам все помыслы и замыслы, и все поступки и делишки Ваши. Вы можете жить так, как бы шить по канве. Словом, Вы имеете благоразумие».

Оправдывая свое нежелание жениться тем, что «этого то дара небес я не обретаю в себе, а стяжать его нельзя – на том основании, что человек каков в колыбельку, таков и в могилку. Сверх того, я ведь толкаюсь в стаде, запертом в хлеве, куда бросают так мало корму, что и одному, а не то чтобы еще с самкой и приплодом, случается испытывать голод. Вот это стадо мычит, а выдти на поиск подножного корма не пускают». Ставя точку в своем желании связать себя узами брака, он заключает: «И так, я не женюсь – однако дотащусь кое-как до Вечного ночлега. Что же у меня в перспективе жизненного пути. Не естественно же человеку, когда еще он не махнул совсем рукой, не видеть какого-нибудь маяка в туманной дали будущности. Правда. Есть у меня маяк и дума крепкая. Вы ахнули б, если бы я сказал. Да теперь нельзя. Скажу месяцев через шесть» [15, л. 78, 78 об.].

Таким образом, Иван Диомидович выбрал карьеру, как бы подтверждая данный вывод, в письме от 21 января 1851 г. он пишет, что «будьто бы он, т. е. Завадовский, вошел к Главнокомандующему, с представлением о назначении к нему, т. е. к Завадовскому, в адъютанты меня... И будьто бы Николай Степанович решил – когда состоится упомянутое назначение перетащить меня в Ставрополь. Такое обстоятельство столь для меня важно, что не мешало бы мне заблаговременно приготовить к эмиграции» [15, л. 79 об., 80].

То, что Иван Диомидович так и не женился, – это факт, но жалели он о своем решении... Наверное, да.

Место собственной семьи и детей для него заняли другие люди, которым он помогал материально, а также своим участием в их жизни и судьбе. Отдельно хотелось бы упомянуть несколько эпизодов.

Одним из них было оказание финансовой помощи его племяннику, Григорию Анфимовичу Попко, сыну старшего брата Анфима, в будущем видному революционеру. Это было после того, как племянник покинул дом, и после отчисления из Ставропольской семинарии некоторое время учился в Москве, а затем переехал в Одессу, где продолжил обучение на юридическом факультете. На этот момент единственным живым близким человеком для него остался И.Д. Попко, который «посмотрел на переход благосклонно и обещал помогать деньгами Григорию. Эта помощь дала [Григорию] Попко свободное время, которое иначе пошло-бы на добывание хлеба, а теперь всецело могло быть посвящено на подготовку и революционную деятельность» [16, с. 183].

В ночь с 24 на 25 мая 1878 г. Г.А. Попко в Киеве убил штаб-ротмистра отдельного корпуса жандармов Густава Эдуардовича Гейкинга. В августе того же года Григорий вместе с товарищами был арестован. Сначала его должны были отпустить под поручительство: «ходили слухи по городу, что выход Попко из тюрьмы главным образом зависит от нахождения поручителя, и ждали со дня на день приезда его дядюшки-генерала, который должен был взять его на поруки» [16, с. 193]. Но во время процесса открылись свидетельства, что непосредственным исполнителем убийства Г.Э. Гейкинга был Г.А. Попко. В связи с открывшимися данными он был приговорен к пожизненной каторге и умер на Каррийской каторге 20 марта 1885 г.

В это же время, в 1877–1878 гг., к русскому отряду в Карсе прибил подросток Али Эфенди Абдур-Рахман-оглы, которого И.Д. Попко взял под свое покровительство и устроил учиться сначала в Алек-

сандропольское начальное училище, а затем в Ставропольскую духовную семинарию, где тот принял крещение под именем Владимир Христофорович Андреевский и в дальнейшем вступил в Андреевское православное общество, став миссионером. В своем письме Ивану Диомидовичу он писал, «что Вы мне с первых пор заступили место отца и сделали мне столько добра, сколько не мог сделать мой родной отец, что я удостоился принять Св. Крещение с полным сознанием истинности Христовой веры этим после Бога, я обязан Вам, Ваше Превосходительство, и никогда я не буду забывать Вас в своих молитвах сколько я есмь жив на земле» [17, л. 103 об.].

Примеров проявления благородства И.Д. Попко немало, но, конечно, самым известным является удочерение подкинутой ему на порог дома девочки, которая стала Ниной Ивановной Попко, в замужестве Пановой. К сожалению, информации о ней очень мало. Известно точно, что вместе с мужем Иваном Николаевичем Пановым они жили в г. Ставрополе до 1919 г., где И.Н. Панов служил вместе с Г.Н. Прозрителевым сначала помощником, а затем и присяжным поверенным [18, с. 83].

В 1919 г., когда на недолгое время город перешел в руки белых, И.Н. Панов работал заместителем председателя 1-го участкового городского по налогу с недвижимых имуществ присутствия. Кроме этого, в Ставропольском губернском попечительстве детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии он был почетным членом, а Н.И. Панова (Попко) – членом-соревнователем [19, с. 60, 136].

Трудно ответить на вопрос, удалась личная жизнь И.Д. Попко или нет. В его посланиях нет ответа на этот вопрос. Но чтобы понять, каким же был человеком Иван Диомидович, нужно знать как можно больше нюансов его жизни. К сожалению, его родной племянник Григорий Анфимович Попко не оставил после себя потомков. О судьбе

А.Х. Алексеевского практически ничего не известно. Да и что происходило в жизни Нины Ивановны Пановой (Попко) после 1919 г., никаких достоверных сведений нет.

Впрочем, в государственном архиве Ставропольского края хранится много писем, которые еще могут, возможно, в будущем, дать ответы на некоторые вопросы личной жизни писателя и генерала.

Делая главный вывод из всего вышенаписанного, можно сказать, что в жизни такой славной личности остается еще множество вопросов, на которые могут и должны быть найдены ответы.

Список литературы

1. Из дневника г.-лейт. И. Д. Попко / Сообщ. С.В. Фарфаровский // Русский архив. – 1909. – Вып. 6. – С. 293–299.
2. Биографические сведения о И.Д. Попко / Сообщ. С.Ф. Фарфаровским и Е.А. Козубским // Русский архив. – 1910. – Вып. 1. – С. 97–100.
3. Городецкий Б. М. Иван Диомидович Попко: биобиблиогр. очерк // Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа: Кубан. сб. на 1913 г. – Екатеринодар, 1913. – Т. 17. – С. 333–396.
4. Трехбратов Б.А. Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко // Кубанские краеведы. – Краснодар, 2005. – С. 95–135.
5. Слуцкий А.И. Библиотека генерал-лейтенанта Ивана Диомидовича Попко // Книга: исслед. и материалы. – М.: Наука, 2009. Сб. 90. – С. 183–192.
6. Литературная деятельность И.Д. Попко // Тр. Ставропол. учен. арх. комис. – Ставрополь, 1910. – Вып. 2. – С. 1–14.
7. Есаул. Черноморцы-пластуны в Севастополе // Воен. сб. – СПб.: Тип. департамента уделов, 1874. – Год семнадцатый. – Т. LXLV. – С. 5–28.
8. Помандруйко И. Пластуны // Русский инвалид. – СПб., 1855. – № 12.
9. Помандруйко И. Некоторые сведения о Черноморском казачьем войске // Русский инвалид. – СПб., 1857. – № 192.
10. Помандруйко И. Плавни // Русский инвалид. – СПб., 1855. – № 47.
11. Помандруйко И. Закубанские воры. Из записок пластуна // Русский инвалид. – СПб., 1855. – № 72.
12. Воспоминания пластуна // Кавказ: газ. полит. и лит. – Тифлис, 1857. – № 4 (13 янв.).
13. Войсковой праздник Черноморских казаков // Кавказ: газ. полит. и лит. – Тифлис, 1848. – № 27 (3 июля).
14. Последние дни жизни и кончина генерала от кавалерии Николая Степановича Завадовского // Кавказ. – Тифлис: Тип. канцелярии наместника Кавказского, 1854. – № 2.
15. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп.1. Д. 7.
16. Стеблин-Каменский Р.А. Григорий Анфимович Попко // Былое: журн., посвящ. ист. освободит. движения. – СПб., 1907. – № 5/17.
17. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 37.

18. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1914 г. – Ставрополь, 1913. – Адрес-календарь.
19. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1919 г. – Ставрополь, 1919. – Адрес-календарь.

References

1. *Iz dnevnika g.-lejt. I.D. Popko. Soobshchil S.V. Farfarovskij* [From the diary. – Leit. I. D. Popko. Reported by S.V. Farfarovsky] // *Russkij Arhiv* [Russian Archive]. – 1909. – Issue 6. – P. 293–299.
2. *Biograficheskie svedeniya o I.D. Popko. Soobshcheny S.F. Farfarovskim i E.A. Kozubskim* [Biographical information about I.D. Popko. Reported by S.F. Farfarovsky and E.A. Kozubsky] // *Russkij Arhiv* [Russian Archive]. – 1910. – Issue 1. – P. 97–100.
3. *Gorodeckij B.M. Ivan Diomidovich Popko. Biobibliograficheskij ocherk* // *Gorodeckij B.M. Literaturnye i obshchestvennye deyateli Severnogo Kavkaza* [Ivan Diomidovich Popko. Bibliographic essay // Gorodetsky B. M. Literary and public figures of the North Caucasus] // [Kuban collection for 1913]. – Ekaterinodar, 1913. – T. 17. – C. 333–396.
4. *Trehbratov B.A. Zhiznennyj put' i tvorcheskoe nasledie Ivana Diomidovicha Popko* [Life path and creative heritage of Ivan Diomidovich Popko] // *Kubanskije kraevedy* [Kuban local historians]. – Krasnodar, 2005. – P. 95–135.
5. *Sluckij A.I. Biblioteka general-lejtenanta Ivana diomidovicha Popko* [Library of Lieutenant General Ivan Diomidovich Popko] / *Kniga: Issledovaniya i materialy* [Book: Research and Materials]. – Moscow: Science, 2009. – Сб. 90. – P. 183–192.
6. *Literaturnaya deyatel'nost' I.D. Popko* [Literary activity I.D. Popko] // *Trudy Stavropol'skoj uchenoj arhivnoj komissii* [Proceedings of the Stavropol Scientific Archival Commission]. – Stavropol, 1910. – Issue. 2. – P. 1–14.
7. *Esaul. Chernomorcy-plastuny v Sevastopole* [Esaul. Black Sea plastuns in Sevastopol] // *Voennyj sbornik* [Military collection]. – St. Petersburg: printed in the printing house of the department of destinies, 1874. – Year seventeenth. – T. LXLV. – P. 5–28.
8. *Pomandrujko I. Plastuny* [Plastuny] // *Russkij invalid* [Russian disabled person]. – St. Petersburg, 1855. – No. 12.
9. *Pomandrujko I. Nekotorye svedeniya o Chernomorskom kazach'em vojske* [Some information about the Black Sea Cossack army] // *Russkij invalid* [Russian disabled person]. – St. Petersburg, 1857. – No. 192.
10. *Pomandrujko I. Plavni* [Plavni] // *Russkij invalid* [Russian disabled person]. – St. Petersburg, 1855. – No. 47.
11. *Pomandrujko I. Zakubanskije vory. Iz zapisok plastuna* [Zakuban thieves. From plastuna notes] // *Russkij invalid* [Russian disabled person]. – St. Petersburg, 1855. – No. 72.
12. *Vospominaniya plastuna* [Memories of plastun] // *Kavkaz* [Caucasus. The newspaper is political and literary]. – Tiflis, 1857. – No. 4 (January 13).
13. *Vojskovoj prazdnik Chernomorskih kazakov* [Military holiday of the Black Sea Cossacks] // *Kavkaz* [Caucasus. The newspaper is political and literary]. – Tiflis, 1848. – No. 27 (July 3).
14. *Poslednie dni zhizni i konchina generala ot kavalerii Nikolaya Stepanovicha Zavadovskogo* [The last days of life and death of the General from the cavalry Nikolai Stepanovich Zavadovsky] // *Kavkaz* [Caucasus]. – Tiflis: in the printing office of the Office Of the Governor of the Caucasus, 1854. – No. 2. – P. 7.
15. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State archive of the Stavropol territory] (GASK). F. 377. Op. 1. D. 7.

16. *Steblyn-Kamenskij R.A. Grigorij Anfimovich Popko* [Grigory Anfimovich Popko / R.A. Steblin-Kamensky] // *Byloe. Zhurnal, posvyashchennyj istorii osvoboditel'nogo dvizheniya* [Past. A magazine dedicated to the history of the liberation movement]. – Saint Petersburg, 1907. – No. 5/17.

17. GASK. F. 377. Op. 1. D. 37.

18. *Pamyatnaya knizhka Stavropol'skoj gubernii na 1914 god* [Memorial book of the Stavropol province for 1914]. – Stavropol, 1913. – Address-calendar.

19. *Pamyatnaya knizhka Stavropol'skoj gubernii na 1919 god* [Memorial book of the Stavropol province for 1919]. – Stavropol, 1919. – Calendar address.

Персоналии

Завадовский Николай Степанович (1788–1853) – генерал, командующий войсками на Кавказской линии и Черномории, наказной атаман Черноморского казачьего войска.

Золотаренко Василий Федорович (1818–1872) – кубанский писатель, этнограф, краевед и мемуарист.

Кухаренко Яков Герасимович (1800–1862) – генерал-майор, наказной атаман Черноморского казачьего войска, писатель, этнограф. Друг Т. Г. Шевченко.

Панов Иван Николаевич – присяжный поверенный в г. Ставрополь, зять И.Д. Попко.

Попко Иван Диомидович (1819–1893) – военный историк, этнограф, краевед, генерал-лейтенант Кубанского казачьего войска, общественный деятель Кубани и Ставрополья, организатор первых музеев на Северном Кавказе. Автор трудов по истории кубанского и терского казачества.

Прозрителев Григорий Николаевич (1849–1933) – русский ученый, краевед, писатель, журналист, общественный деятель Ставрополья.

Рашпиль Григорий Антонович (1801–1871) – генерал-лейтенант, наказной атаман Черноморского казачьего войска.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 930:392(47)

ГРНТИ 03.23.07: Historiography and source studies of the History of Russia

А.Д. Резанов

Основные тенденции развития отечественной дореволюционной историографии быта и повседневности Древней Руси

Цель статьи – выявить основные тенденции и главные черты развития русской дореволюционной историографии вопросов быта и повседневности Древней Руси (т. е. периода от складывания государственности у восточных славян в VII–X вв. до разгрома русских княжеств монгольскими нашествиями XIII в.). В ходе историографического анализа трудов по русской истории от XVIII до начала XX в., наиболее важных с теоретической и методологической точек зрения, автор прослеживает путь, который прошла русская историческая наука в рассмотрении столь сложных для изучения вопросов, как материальный и духовный быт восточных славян и Руси, нравы и этика древнерусского человека, аспекты повседневности различных слоев населения. Это позволяет также охарактеризовать как общие черты, так и различия в основных подходах дореволюционной историографии на протяжении трех этапов ее эволюции. Первый – «дворянский» (от В.Н. Татищева до Н.М. Карамзина). Второй – «посткарамзинский» и вытекающий из него «философско-теоретический», с 1826 г. до начала 1870-х. Третий – «этап зрелости» дореволюционной историографии, с 1870-х до 1917 г.

Ключевые слова: историография, повседневность, быт, нравы, Древняя Русь, славяне, древнерусский город, этнография, просвещение, романтизм, позитивизм.

Andrei D. Rezanov

Basic trends of the Russian prerevolutionary historiography's development in the study of ancient Rus' daily routine and everyday life

The article's objective – is to identify the basic trends and main traits in development of the Russian prerevolutionary historiography of ancient Rus' daily routine and everyday life problems (period from the formation of statehood among the Eastern Slavs in VII–X centuries to the defeat of the Russian principalities by the Mongol invasions of the XIII century). In the course of historiographical analysis of works on Russian history from researchers of the XVIII – early XX centuries (most important ones from the theoretical and methodological points of view), the author traces the path that

---

© Резанов А.Д., 2020

© Rezanov Andrei D., 2020

Russian historical science has taken in considering difficult issues to study as material and spiritual daily life of the Eastern Slavs and Rus', ethics and mores of the ancient Russian people, aspects of everyday life of various segments of the population. This will also allow us to characterize both common traits and differences in the main approaches of prerevolutionary historiography during the three stages of its evolution. The first one is the period of «nobiliary historiography» (from V. N. Tatishchev to N. M. Karamzin). The second – «post-karamzin» and the resulting «philosophical and theoretical», from 1826 to the early 1870s. The third is the «stage of maturity» of prerevolutionary historiography, from the 1870s to 1917.

Key words: historiography, everyday life, daily routine, ethics and mores, ancient Rus', Slavs, old Russian city, ethnography, enlightenment era, romantic era, positivism era.

Вопросы быта и повседневной жизни Древней Руси не являются изученными так же масштабно, как проблематика политической и социально-экономической истории данного периода. Безусловно, как мы убедимся в дальнейшем, отдельные аспекты «сферы обыденности» уже давно были в фокусе внимания различных исследователей: историков, этнографов, филологов. Однако заметим, что только сравнительно недавно появился новый тип исследований – фундаментальные труды, целиком и полностью посвященные быту и повседневности Древней Руси, которые, в свою очередь, выступают полноценными объектами системного исследования. Известные примеры: «Повседневная жизнь Древней Руси» А.П. Богданова (2016) [1], «Русская повседневная культура. Обычаи и нравы с древности до начала Нового времени» Т.С. Георгиевой (2014) [2] и «Быт и нравы Древней Руси: миры повседневности XI–XIII вв» В.В. Долгова (2007) [3]. Последней работе посвящена рецензия А.В. Петрова. Он отмечает, что «после выхода в свет этой книги («Люди и нравы Древней Руси» Б.А. Романова) монография В.В. Долгова – первое в историографии обобщающее концептуальное исследование темы древнерусской «повседневности» в максимальном объеме этого понятия и на уровне научной фундаментальности, адекватном сложности проблемы» [4, с. 1].

Еще менее изученной является историография данных вопросов: до сих пор не предпринималось попыток систематизированного историографического обзора проблематики «сферы обыденности» первых веков русской истории, особенно касательно историографии XVIII–XIX вв. Между тем в отдельных статьях рассматриваются некоторые историографические аспекты интересующей нас тематики. Помимо упомянувшейся рецензии А.В. Петрова, примечательна статья И.Е. Рудковской «Ретроспективный взгляд на предысторию микроисторических исследований в отечественной историографии (XIX – начало XX в.)» Автор полагает, что «интерес к тому, что сегодня называют микроисторией, локальной историей, предопределил достижения дореволюционной исторической науки в России, обусловил специфику исторических исследований Н.М. Карамзина, И.Е. Забелина, Н.М. Костомарова, М.О. Гершензона и др.» [5, с. 1]. Данное мнение для нас существенно, так как история повседневности тесным образом связана с микроисторией.

Встречаются и другие краткие обзоры – перечни авторов, так или иначе рассматривавших повседневную жизнь, быт и нравы Древней Руси. Например, у В.В. Долгова: «Быт и нравы, история ментальностей, структуры повседневности стали предметом работы историков с конца XIX в. Даже если ограничиться только учеными, занимавшимися изучением русского Средневековья, то список трудов будет достаточно внушительным. Работы отечественных „бытописателей“, таких как И.Е. Забелин, Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, Б.А. Романов, позволяют взглянуть в обыденную жизнь человека Древней Руси, представить ее себе во всем многообразии и полноте» [3, с. 2].

Данная же статья представляет из себя целостное описание основных тенденций и характерных черт дореволюционной историографии поставленных вопросов; она основана на рассмотрении трудов

наиболее важных представителей русской исторической науки. Подобный анализ позволит нам не только выявить те самые основные тенденции развития отечественной историографии древнерусской «сферы обыденности», но и проследить корни современных научных работ, которые, безусловно, были бы невозможны без опоры на опыт дореволюционных авторов. Важно обозначить, что категория «история повседневности» используется нами в широком понимании: не просто как современное направление исторической науки со своими методами исследований, но как адекватное и соответствующее времени рассмотрение различных аспектов быта, нравов и повседневности, описание различных структур и ситуаций, относящихся к вышеназванному, т. е. как раз тому, что формирует наше понимание «живой истории». В этом плане такая конструкция, как «повседневность Руси в трудах историков от В.Н. Татищева до П.Н. Милюкова», является уместной.

Первый этап развития русской исторической науки – период «дворянской историографии», охватывающий время от «Истории Российской» В.Н. Татищева до «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Основные черты исторических трудов этого времени: рационализм и прагматизм, особое внимание к внешней и внутренней политике, которую ведет монарх, уверенность во благе монархической власти для страны и народа. Историография носила «дворянский характер», так как в обозначенный период почти все историки были дворянами. Практически единственным источником по истории Руси для исследователей служили летописи, хотя также могли использоваться некоторые другие виды письменных источников (жития святых, свидетельства иностранных путешественников).

В.Н. Татищев не ставил перед собой цели рассмотреть быт и повседневность Руси, полагая это несущественным и не имея источни-

ков для подобных изысканий. Прежде всего он излагал, вслед за летописями, политическую историю. Однако, пересказывая летописи, историк так или иначе привлекал их данные и об аспектах «обычной жизни» Руси. Чаще всего они касались религиозной и этической стороны быта славян: упоминались или даже иногда описывались обряды (повивальные, похоронные, свадебные), основные проявления быта (мытьё в бане, питание, охота, строительство изб). Например: «общее принятие или повивание, омовение и родильной молитвы давание и пр., оно из древности...когда жену к родам схватывать станет, то у нас некоторые весьма прилежат оное утаить, чтоб никто не сведал, думая, якобы в утаении легче родить может. Напротив, другие (народы) нарочно к тому людей более созывают, как мне то неоднократно в Швеции видеть случилось» [6, с. 19]. Почти единственным письменным источником для В.Н. Татищева при написании его «Истории Российской» выступали древнерусские летописи. Несторова летопись, говоря о жизни и обычаях различных славянских племен Древней Руси, как известно, противопоставляет быт и нравы полян остальным, особенно древлянам с их «звериным нравом». С одной стороны, Татищев, пересказывая соответствующий летописный отрывок, не критиковал его, но с другой, важно то, что в нем историк замечал такие аспекты повседневной культуры дохристианской Руси, как питание, погребальная обрядность, игры и отношения полов.

Книга М.В. Ломоносова «Древняя Российская история...» сосредоточена, в отличие от работы Татищева, именно на «древностях», что позволило ученому привлечь больше разноплановых сведений об аспектах быта Руси, не только обрядовой и религиозной повседневности, но и военной, например. Аспекты последней отражены в освящении условий быта и деятельности князя Святослава Игоревича и его дружины. «Ни многие обозы с запасами или с орудиями, к приуготовлению пищи нужными, ни шатры, ни постели к упокоению тягостию не

препятствовали быстрым походам. Изрезанное тонко всякого рода мясо и на углях испеченное довольно было к его (князя) насыщению. Вместо постели из-под седла войлок, седло вместо подушки, епанча за шатер служила, в чем все воинство подражало своему государю» [7, с. 81]. Аспекты религиозной повседневности находят свое отражение в описании Ломоносовым древнерусского язычества; нравов и этики восточных славян – в пересказах записок иностранцев. В целом в работе М.В. Ломоносова так же, как и у В.Н. Татищева, мало сведений о быте и повседневности на Руси. Причины этого те же: во-первых, отсутствие необходимого числа источников для большего объема сведений, а во-вторых, тот факт, что М.В. Ломоносов описывал, как и Татищев, прежде всего политическую историю.

У прочих историков XVIII в. еще меньше тематических сведений в их трудах. Тем не менее некоторые моменты представляют интерес. Например, сенатор и историк М.М. Щербатов в своей «Истории Российской от древнейших времен» писал о таком явлении в жизни Руси времен князя Владимира, как пиры: «(Владимир) великие пиршества не токмо со своими боярами чинил, но также кушанья раздавал народу, и бедных деньгами ссужал» [8, с. 279]. Описывая последовавшие за началом христианизации мятежи волхвов в Северо-Восточной Руси, М.М. Щербатов касался экономического аспекта этих событий, который оказывал непосредственное влияние на быт и сознание простого народа. Он указывал: «Голод произвел нищету, а нищета – роптание и бунт, даже как нужда, понуждая к изобретению способов, принудила некоторых ехать вниз по Волге, где купя хлеба, от конечной гибели себя избавили» [8, с. 309]. Из этого следует, что в поисках пропитания жители Руси могли свободно перемещаться по различным землям.

Оппонент М.М. Щербатова И.Н. Болтин в первой части своей «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии» уделил внимание такому элементу религиозной жизни языческой Руси,

как принесение жертв. Болтин писал, что жертвы были важны не сами по себе, а имели особое значение: помогали в сознании славян миру обновиться, т. е. освободиться от злых сил. Ради «обновления» совершались и другие обряды, например, поливания водой и разнообразные игрища [9, с. 54].

Заметно, что в работах историков XVIII в. не было подробного описания истории быта и повседневности Древней Руси и даже сколько бы то ни было значимого внимания этому вопросу как некой целостной проблеме. Сведения, касавшиеся быта и повседневности Руси, так или иначе являлись частью пересказов историками летописей. Авторы не рефлексировали над этими сведениями и не пытались выработать какой-либо подход к изучению указанных вопросов. По сути, большая часть «истории повседневности» от историков XVIII в. – это то, что можно назвать «обрядовой повседневностью», т. е. описания различных существовавших обрядов и обычаев у восточных славян и позже – на Руси.

Творчество же Н.М. Карамзина, находясь в основном в рамках «дворянской историографии», в вопросах изучения повседневности и быта Руси качественно отличается от опыта предшественников. Именно Н.М. Карамзин в специальных главах «Истории государства Российского» начал рассматривать самые разные аспекты быта и повседневности Руси как отдельную сферу истории. К примеру, десятая глава первого тома «Истории...» называется «О состоянии Древней России». Эта самая категория («состояние») являлась у исследователя по сути ничем иным, как прообразом понятий «быт» и «повседневность» в современном понимании [10, с. 86]. Приведем один из самых ярких примеров рассмотрения Н.М. Карамзиным древнерусского быта и повседневной жизни. Историк писал: «Друзья Владимира, обедая у Князя, ели серебряными ложками. Мед, древнее любимое питье всех народов Славянских, был еще душою славных пиров его; но Киевляне

в Олеговы времена уже имели вина Греческие и вкусные плоды теплых климатов. Перец Индейский служил приправою для их трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные пояса, сафьянные сапоги и проч.» [11, с. 323]. Здесь мы видим очень качественное для своего времени описание повседневности знати: Н.М. Карамзин говорил о конкретных вещах – «мелочах» (одежде, пище, столовых приборах), чего до него не делал ни один историк. В этом состоит важнейший вклад «государственного историографа» в изучение поставленных вопросов.

Таким образом, уже в первый этап научного развития русской исторической мысли (хотя и в его конце) сложились основы того, что можно с поправкой на методологические различия назвать «историей быта и повседневности». В целом важно отметить, что Н.М. Карамзин и историки XVIII в. (заложившие основы, на которые тот смог опереться в своем творчестве) определили основы историко-описательного подхода в изучении аспектов быта и повседневности Древней Руси. Это значит, что как минимум они сделали дальнейшее развитие изучения поставленных нами вопросов возможным.

Во второй период (условно 1826–1870 гг.) происходит бурное развитие русской исторической науки: формируются различные школы, концепции, расширяется источниковая база, сменяются поколения историков. Историческими изысканиями увлекается славянофильская мысль, возникает «государственная школа» в лице таких историков, как К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и С.В. Соловьев, а труды А.Н. Афанасьева и Н.И. Костомарова дают толчок развитию отечественной этнографии.

В первые десятилетия после «Истории государства Российского» не заметно качественно новых приемов изучения древнерусского быта и повседневной жизни. Историки предпочитали описывать и реконструировать «внегосударственную жизнь» с опорой на письменные

источники. К примеру, Н.А. Полевой в «Истории русского народа», говоря о типичном ходе повседневной жизни древнерусского человека, так описал его жилище и быт: «В низкой, бедной хижине, где дым растилался из черной печи, где вместе с ним жили и домашние животные, русс отдыхал после труда тяжкого, ибо несовершенство орудий ремесленных и художественных, малая плата и трудность сбыта произведения требовали такого труда. Он также откладывал что мог на черный день, и только на клад свой мог надеяться. Гость подвергался страшным опасностям, отправляясь на торг по лесам и пустыням, боясь монополий княжеских, разбойника, иноплеменника, неприятеля, и – даже дикого зверя» [12, с. 101]. Петербургский историк Н.Г. Устрялов рассматривал город восточных славян как структуру, создающую особый тип жизни, позволяющий развить элементы гражданского общества. Он писал: «...города могли быть ничтожны, могли состоять из хижин, огражденных тыном или рвом для защиты от лютых зверей и хищных соседей; но там люди соединялись родством, дружбою, там была колыбель гражданского общества; открывалась первая, главная ступень к общности, к понятию о выгодах общежития» [13, с. 41].

В указанный период характерно то, что историей активно занимались не только историки, но и мыслители, философы, правоведы. Многие из них примыкали к славянофильству. Взгляды славянофилов в контексте их оценок древнерусского быта и «национального характера» представляют интерес для нашей темы. Один из родоначальников славянофильской мысли А.С. Хомяков в своей работе «Вехи истории отечества» писал об основах жизни Руси: «Простота дотатарского устройства областного не чужда была истины человеческой, и закон справедливости и любви взаимной служил основанием этого быта, почти патриархального» [14, с. 221]. Идею особого отношения древнерусского человека к закону и справедливости развил К.С. Аксаков: «В русской истории нет ни одного восстания против власти в пользу

народных политических прав. Сам Новгород, раз признав над собою власть царя Московского, уже не восставал против него в пользу своего прежнего устройства. В Русской истории встречаются восстания за законную власть против незаконной; законность иногда понимается ошибочно, но, тем не менее, такие восстания свидетельствуют о духе законности в Русском народе» [15, с. 54]. Как видим, для славянофилов было важно не столько изучить особенности древнерусского быта и повседневной жизни, сколько найти в данных источников подтверждение своим представлениям о тех или иных сторонах нравов и этики древнерусского народа.

Однако было и одно важное исключение из этой тенденции славянофильства – творчество историка М.П. Погодина. В «Древней русской истории до монгольского ига» Погодин развил наследие Н.М. Карамзина, подробно описывая многие аспекты быта и повседневности Руси. Характерный отрывок содержит упоминание историком посуды, напитков, одежды и обуви, распространенных на Руси. «Из посуды в летописях упоминаются сосуды серебряные и золотые, блюда, чаши, кубки, котлы, стекляницы, горшки. В песнях – чары, стопы зелена вина, меду ярого, пива пьяного. Одежда на Руси иначе называлась «платье» или «порты» (более повседневный вариант). Нижняя одежда называлась сорочкой и рубашкой, верхняя – корзно (княжеский плащ) и епанча. Из обуви известны (помимо очевидных сапог и лаптей) чеботы и черевья» [16, с. 522–523].

Второе (помимо славянофильства) важное направление этого времени – «государственно-юридическое». Его представители в основном изучали право, а не быт Древней Руси, и потому в изучении интересующих нас вопросов во многом совпадали со славянофилами. Например, К.Д. Кавелин следующим образом характеризовал бытовые нравы славян и начального периода Древней Руси: «Спокойные, миролюбивые, они (славяне) жили постоянно на своих местах. Начало

личности у них не существовало. Семейственный быт и отношения не могли воспитать в русском славянине чувства особенности, сосредоточенности, которое заставляет человека проводить резкую черту между собою и другими и всегда и во всем отличать себя от других» [17, с. 57].

Если вершиной развития славянофильской мысли в исторических исследованиях является нарратив М.П. Погодина, то в «государственной школе» – это «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Фундаментальный труд содержит столь много интересующих нас сведений, что имеет смысл остановиться лишь на обозначении самых важных аспектов освящения быта и повседневности Руси С.М. Соловьевым. Он рассматривал множество различных аспектов «состояния» Руси – именно это понятие в духе Карамзина использовал историк в главах томов своего труда. «Состояние» является для него совокупностью «фоновых» характеристик жизни Руси: быта, повседневности и нравов. С.М. Соловьев с опорой уже не только на письменные, но и фольклорные источники писал о жилищных условиях разных слоев древнерусского населения, о питании и одежде, о торговле и ремеслах, об устройстве семьи и брака на Руси, об аспектах религиозно-праздничной повседневности.

Но принципиально новым в труде Соловьева по сравнению с предшественниками является его обращение к повседневности как таковой – не просто через призму общего бытописания, а именно как внимание к «обыденному и повторяющемуся», сугубо частному. Приведем два ярких примера подобного обращения С.М. Соловьева к повседневности. Историк описывал распорядок дня князя: «из летописных известий видно, что князья три раза в день садились за стол: завтракали, обедали, ужинали; час завтрака, обеда и ужина определить нельзя, можно видеть только, что обедали прежде полуден; ... вста-

вали до свету и скоро после того завтракали: при описании Липецкой битвы говорится, что князь Юрий прибежал во Владимир о полудни, а битва началась в обедню пору (в обед год); в полдень уже ложились спать» [18, с. 85]. Также интересен отрывок, раскрывающий повседневность состоятельных горожан: «об этой частной жизни до нас дошли чрезвычайно скудные известия; знаем, что были очень богатые люди, в домах которых можно было много пограбить, таковы были, например, Мирошкинichi в Новгороде, у которых народ в 1209 году взял бесчисленные сокровища, остаток разделили по зубу, по три гривны по всему городу, но другие побрали еще тайком, и от того многие разбогатели; как ни толковать это место, все выходит, что каждый новгородец получил по три гривны» [18, с. 87]. Сделаем вывод: С.М. Соловьев расширил круг вопросов русской жизни и углубил их изучение, доходя до осознания повседневности и частной жизни как важной части общей истории. Именно он окончательно укоренил введенные Н.М. Карамзиным в исторические исследования категории «состояние», «быт» и «нравы».

С 50-х г. XIX в. начинается развитие отечественной этнографии, связанное с поиском и анализом всех видов фольклора в попытках реконструировать по ним черты быта и сознания далеких предков. В 1865 г. случилось важное событие в отечественной науке – был издан первый том работы А.Н. Афанасьева под названием «Поэтические воззрения славян на природу». Пожалуй, это было первое в отечественной истории исследование, где предметом изучения был не общий политический или социальный процесс развития государства, а именно то, что можно назвать внегосударственной жизнью: быт, нравы, верования, сознание древних славян и позже жителей Руси. Если ранее мы имели дело с работами, так или иначе анализировавшими событийную историю, то работа А.Н. Афанасьева стала первой в Рос-

сии, посвященной истории «структурной». Исследователь изучает константы общества, его бытия и сознания. Их можно считать статичными: в течение веков они не претерпевали изменений. Их важнейшим выражением для А.Н. Афанасьева являются мифы и легенды.

Главным образом «Поэтические воззрения» посвящены славянскому фольклору, но в труде А.Н. Афанасьева можно найти и немало информации об аспектах повседневности, быта и нравов на Руси. Важнейшим видом источников для Афанасьева являлся фольклор в виде былин, сказаний, сказок, песен, пословиц и поговорок. Приведем цитату исследователя о потенциале такого источника по истории быта и повседневной жизни, как обрядовая песня. «Для исследователя старины особенно важны обрядовые, названные так потому, что ими сопровождаются семейные и праздничные обряды. Это песни свадебные, похоронные заплачки и причитания, колядки, веснянки, троицкие, купальские и тому подобные. Они служат необходимым пояснением различных церемоний и игрищ, совершаемых в том или другом случае, и сохраняют любопытные указания на старинные верования и давно отживший быт» [19, с. 14]. Таким образом, если указывавшиеся ранее исследователи исходили в изучении важных нам вопросов из историко-описательного подхода, то А.Н. Афанасьев, с опорой на фольклор, сформировал новый подход, который мы можем назвать этнографическим, основанном на реконструкции.

Тесно связан с этнографией был также такой историк, как Н.И. Костомаров. Опираясь на данные письменных, фольклорных и вещественных источников, он так писал о жителях Древней Руси при первых Рюриковичах: «Они умели строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, водить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напит-

ки – пиво, мед, брагу; ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами» [20, с. 8].

Как видим, к началу 1870-х гг. вопросы быта и повседневности уже стали достаточно серьезным предметом внимания историков, вводящих в оборот все больше источников и использовавших в своих построениях больше новых (на то время) подходов.

Наконец, в период 1870–1917 гг. отечественная историография выходит на новый уровень развития, становится по настоящему само-бытной и все менее заимствует европейские теории. Именно в этот период выходят наиболее интересные и зрелые в плане проработанности тематики работы, посвященные вопросам состояния Древней Руси: быту, нравам, повседневности, духовно-религиозной жизни. Собственно, в этот период развивается методология и философия истории вообще, особенно в рамках совершенствования своих методов историками «московской школы». Также, безусловно, качественно развивается источниковедение, приемы интерпретации и критики источников (в этом основную роль играла уже «петербургская школа»). Приведем примеры рассмотрения вопросов древнерусского быта и повседневности известными историками этого периода.

В.О. Ключевский высказал любопытную мысль: «Благодаря распространению князей по Русской земле совершалось известное обобщение житейских отношений, нивелировка местной жизни: во всех частях земли устанавливались одинаковые бытовые формы, одинаковые общественные вкусы и понятия» [21, с. 130]. К сожалению, Ключевский не стал углублять эту мысль и не представил конкретные формы изменения древнерусской повседневности под влиянием усиления княжеской власти.

Ученик В.О. Ключевского П.Н. Милюков описывал такую структуру повседневности, как город. Он писал, что под городом в свое время понимался укрепленный и огороженный центр поселения – то, что позднее стало называться кремлем. «В этом центре помещалось начальство: стояла воеводская изба, тюрьма для „колодников“, тут же помещались склады оборонительных средств – пороха, свинца и другого казенного имущества. В городе жили приказные люди для управления и ратные люди для обороны в случае осады». При этом торгово-промышленное население жило в посаде, вне «города» [22, с. 178].

С методологической точки зрения весьма интересны некоторые моменты «Русской истории» К.Н. Бестужева-Рюмина. Историк отметил важную проблему – несовпадение наших представлений о быте, нравах, вкусах и привычках древности с реальностью прошлого. Это раскрывается на примере отношения к Кириллу Туровскому: «Нередко исследователи нашего времени восхищались красотами речей Кирилла Туровского, а он сам сознается, что его проповеди собирались слушать немногие» [23, с. 220]. На примере работы К.Н. Бестужева-Рюмина мы можем наблюдать дальнейшее развитие русской исторической науки: в указанный период она стала не просто описывать быт и повседневность Руси, но и пытаться теоретически осмыслить их.

С.Ф. Платонов описывал духовный быт языческой Руси: «Была весенняя тризна по предкам – „радуница“, был летний праздник „русалий“ такого же поминального характера. Обряды, сопровождавшие языческие праздники, пережили самое язычество. Они удержались в народе даже до нашего времени и были приурочены к праздникам христианского календаря: коляда – к Святкам, проводы зимы – к масленице, красная горка и радуница – к Святой и Фоминой неделям, „купала“ и русалий – к Иванову дню» [24, с. 55].

Отдельно в историографии интересующих нас вопросов стоят такие исследователи, как И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский, Е.В. Аничков и Н.М. Гальковский. Именно они вывели изучение быта и повседневности Руси на новый уровень с точки зрения развития как теории, так и источниковой базы. Так, И.Е. Забелин и Д.И. Иловайский стали одними из первых русских историков привлекать для исследований результаты археологических раскопок. С опорой на вещественные источники они точнее предшественников реконструировали детали быта населения Руси, такие как одежду и вооружение. И.Е. Забелин в своей «Истории русской жизни» писал: «Для шитья одежды употребляли иглы и шила бронзовые и железные, малые и большие, а также и сделанные из кости. Любопытно, что для сохранности иголок употребляли кожаные футлярчики. Употребляли малецькие булатные ножички вроде наших перочинных и маленькие оселки для точения таких ножиков, а также шил и иголок» [25, с. 388]. Очень важно, что сама категория «жизнь» для Забелина являлась именно тем, что описывает быт и повседневность, обыденные явления. И.Е. Забелин сделал методологически важнейшее замечание: «Собственная наша летопись не дает никаких определенных и ясных сведений об этом особом существе древнерусского развития, быть может по той причине, что летописная память смотрела на промысловой и торговый быт своей земли, как на дело повседневное, обычное, всем известное, о котором нечего было говорить. Ни событий, ни подвигов, достойных особой памяти, здесь не случалось. Из года в год, изо дня в день здесь происходило все одно и то же. К счастью, об этих повседневных русских делах рассказывают чужеземцы, современники новорожденной Руси» [25, с. 356–357].

Д.И. Иловайский, помимо всего прочего, глубоко изучил вопрос древнерусского питания, не только описывая собственно входившие в повседневный рацион продукты, но и приводя интересные сведения о непростых отношениях церкви с традициями древнерусского питания.

«Предки наши не только ели тетеревей, рябчиков, журавлей, оленей, лосей, туров, вепрей, зайцев, и пр., но не гнушались медвежатиной и белками, против чего восстало духовенство, относя их к „скверне“, т. е. к нечистым животным. Духовенство восстало и против употребления в пищу животных, хотя бы чистых, но не зарезанных, а удушенных, считая последних „мертвечиной“; сюда относил оно тетеревей и других птиц, которых ловили силками» [26, с. 310].

Незадолго до революций вышли две принципиально важные работы: «Язычество и Древняя Русь» Е.В. Аничкова и «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» Н.М. Гальковского. Главным образом эти труды посвящены проблеме христианизации и структуре древнерусского язычества. Но также они являются отражением развития историографии вопросов быта и повседневности Руси, особенно религиозной сферы. Продолжая лучшие традиции А.Н. Афанасьева, эти работы показали потенциал этнографии и фольклористики в изучении вопросов быта и структур повседневности. Фольклорист и историк литературы Е.В. Аничков, к примеру, много внимания уделял такому явлению древнерусской повседневности, как княжеский пир. Он не просто описал пир как процесс по известным летописям, но и говорил о его изначальном смысле, делающим пиршество важным действием для всех категорий населения. «Пир, таким образом, одновременно и милостыня. Древний пир всегда был более или менее для званых и незваных, и никогда, ни в коем случае, как в наши времена, не для избранных. Излишняя щедрость пиров, их размах и злоупотребление едой и алкоголем, собственно, и было тем, что обличали христиане как дух язычества. Они стремились ограничить это, но не запретить сами пиры» [27, с. 195].

Этнограф и филолог Н.М. Гальковский, изучая, помимо прочего, развлечения на Руси, в главе «Игры и пляски» указывал, что «на одной фреске изображены плясуны и музыканты, играющие на дудке,

трубах, гусях и литаврах; были известны и акробатические представления. Обычай иметь при дворе музыкантов и танцовщиков, вероятно, заимствован нашими князьями из Византии» [28, с. 322]. Таким образом, заметно, что круг рассматриваемых вопросов «русской жизни» в работах историков-археологов типа И.Е. Забелина и Д.И. Иловайского, а также этнографов и фольклористов значительно расширился. Этому способствовало дальнейшее развитие русской исторической науки, достижение ею все большей самостоятельности и накопление опыта.

Итак, по итогам нашего анализа можно сделать следующие выводы о тенденциях развития отечественной дореволюционной историографии поставленных вопросов: во-первых, с XVIII по начало XX в. постепенно расширяется источниковая база исследователей. Если «дворянские историографы» черпали сведения о «состоянии» Руси лишь по письменным источникам, то с подачи А.Н. Афанасьева и С.М. Соловьева российская историческая наука заметила потенциал источников фольклорных и этнографических. В третий период, примерно с 1870-х, к исследованиям подключались археологические источники.

Во-вторых, происходит совершенствование историографии с методологической точки зрения. Долгое время аспекты быта и повседневности рассматривались исходя из историко-описательного подхода. В дальнейшем теория и методология в трудах русских историков становится все более сложной: появился этнографический подход, стали предприниматься попытки осмысления быта как отдельного явления в истории, вводились новые понятия и категории для обозначения «статичной стороны» истории: «состояние», «строй», «жизнь», «быт».

В-третьих, в работах исследователей расширяется содержание рассматривавшихся нами вопросов. Внимание исследователей сосредотачивалось на все большем количестве структур повседневности:

не только «общины», но и «двора», «города», «князя» и т. д. Если изначально во внимание историков попадали аспекты главным образом религиозно-праздничной повседневности, то в дальнейшем подключалось рассмотрение военной, городской, сельскохозяйственной повседневности, вопросов отношений полов и социальных слоев. С этим связано и то, что мы в итоге можем назвать макротенденцией историографии обозначенных вопросов: дореволюционная историография постепенно эволюционировала из бытописания в «историю повседневности» своего времени; «жизнь» из «фона», достойного лишь краткого упоминания в контексте крупных исторических событий и процессов, превращалась в осознанный феномен истории, что заметно по трудам исследователей конца XIX – начала XX в. Таким образом, русскую дореволюционную историографию быта и повседневной жизни Древней Руси можно считать качественно развивавшейся и отвечавшей тенденциям развития мировой исторической науки того времени.

Список литературы

1. Богданов А.П. Повседневная жизнь Древней Руси. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 528 с.
2. Георгиева Т.С. Русская повседневная культура. Обычаи и нравы с древности до начала Нового времени. – М.: Ломоносовъ, 2015. – 217 с.
3. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси: миры повседневности XI–XIII вв. – СПб.: ЭКСМО, 2017. – 592 с.
4. Петров А.В. Поворотное событие в изучении древнерусской «повседневности»: о книге В.В. Долгова «Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв.» // Петерб. славян. и балкан. исслед. – 2017. – № 1 (21). – С. 170–175.
5. Рудковская И.Е. Ретроспективный взгляд на предысторию микроисторических исследований в отечественной историографии (XIX – начало XX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 2 (6). – С. 57–59.
6. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён... Т. 1. – М., 2005. – 568 с.
7. Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года... – М., 1950. – 146 с.
8. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен: в 7 т. – Т. 1. – СПб., 1771. – 402 с.
9. Болтин И.Н. Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. – Т. 1. – СПб., 1798–1799. – 233 с.

- 10 Резанов А.Д. Н.М. Карамзин как родоначальник изучения древнерусского быта и повседневной жизни // *Ист. повседневности*. – 2019. – № 4 (12). – С. 81–93.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 1. – СПб., 1818. – 492 с.
12. Полевой Н.А. История русского народа. – Т. 1. – М., 1829–1833. – 474 с.
13. Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 г.: в 2 т. – Петрозаводск, 1997. – 957 с.
14. Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М., 2008. – 784 с.
15. Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // *Русская социально-политическая мысль, 1850–1860-е г.: хрестоматия*. – М., 2012. – С. 54–77.
16. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. – М., 1871. – 401 с.
17. Кавелин К.Д. Государство и община. – М., 2008. – 1297 с.
18. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 2006. – 1024 с.
19. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – М., 1995. – 824 с.
20. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. – М., 1995. – 766 с.
21. Ключевский В.О. Курс русской истории: полн. изд. в 1 т. – М., 2011. – 1197 с.
22. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. Население, экономический, государственный и сословный строй. – СПб., 1896. – 223 с.
23. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. – Т. 1. – М., 2018. – 640 с.
24. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М., 2006. – 492 с.
25. Забелин И.Е. История Русской жизни с древнейших времен. – Ч. 2. – М., 1879. – 520 с.
26. Иловайский Д.И. История России. – Т. 1. – Ч. 2. – М., 1876. – 337 с.
27. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. – М., 2003. – 440 с.
28. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – М., 2000. – 700 с.

References

1. *Bogdanov A.P. Povsednevnaya zhizn' Drevnej Rusi* [Ancient Rus' everyday life]. – М., 2016. – 528 p.
2. *Georgieva T.S. Russkaya povsednevnaya kul'tura. Obychai i nnavy s drevnosti do nachala Novogo vremeni* [Russian everyday culture. Customs and mores before modern era]. – М., 2015. – 217 p.
3. *Dolgov V.V. Byt i nnavy Drevnej Rusi: miry povsednevnosti XI–XIII vv* [Life and customs of Ancient Rus'. Everyday life worlds of the 11th – 13th centuries]. – SPb., 2017. 592 p.
4. *Petrov A.V. Povоротное sobytie v izuchenii drevnerusskoj «povsednevnosti»: o knige V.V. Dolgova «Byt i nnavy Drevnej Rusi. Miry povsednevnosti XI–XIII vv.»* [A turning point in the study of the Old Russian «everyday life». About the monography of V. Dolgov «Life and customs of Ancient Rus'. Everyday life worlds of the 11th – 13th centuries»] // *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya* [Studia Slavica et Balcanica Petropolitana]. – 2017. – № 1 (21). – P. 170–175.
5. *Rudkovskaya I.E. Retrospektivnyj vzglyad na predystoriyu mikroistoricheskikh issledovanij v otechestvennoj istoriografii (XIX – nachalo XX vv.)* [A retrospective look at the background of microhistorical studies in Russian historiography] // *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. – 2009. – №2 (6). – P. 57–59.
6. *Tatishchev V.N. Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremyon... T. 1.* [Russian History Dating Back to the Most Ancient Times... Vol.1]. – М., 2005. – 568 p.

7. Lomonosov M.V. *Drevnyaya Rossijskaya istoriya ot nachala rossijskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 goda...* [Ancient Russian history...]. – M., 1950. – 146 p.

8. Scherbatov M.M. *Istoriya rossijskaya ot drevnejshih vremen (v 7 tomah)* [History of Russia from the Earliest times, Vol. 1]. – SPb., 1771. – 402 p.

9. Boltin I.N. *Podrobnaya letopis' ot nachala Rossii do Poltavskoj batalii. T. 1.* [Detailed chronicle from the beginning of Russia to the battle of Poltava]. – SPb., 1798–1799. – 233 p.

10. Rezanov A.D. N.M. *Karamzin kak rodonachal'nik izucheniya drevnerusskogo byta i povsednevnoj zhizni* [N.M. Karamzin as a founder of the study of ancient Rus' daily routine and everyday life] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2019. – №4 (12). – P. 81–93.

11. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo. T. 1* [History of the Russian state. Vol. 1]. – SPb., 1818. – 492 p.

12. Polevoy N.A. *Istoriya russkogo naroda. T. 1* [The History of the Russian People. Vol.1]. – M., 1829–1833. – 474 p.

13. Ustryalov N.G. *Russkaya istoriya do 1855 g., v 2-h tomah* [The History of Russia in 2 vols.]. – Petrozavodsk, 1997. – 957 p.

14. Khomyakov A.S. *Vsemirnaya zadacha Rossii* [The Worldwide Mission of Russia]. – M., 2008. – 784 p.

15. Aksakov K.S. *O vnutrennem sostoyanii Rossii. Russkaya social'no-politicheskaya mysl', 1850-1860-e gody. Hrestomatiya* [About internal state of Russia. Russian socio-political thought, 1850–1860s. Anthology]. – M., 2012. – S. 54–77.

16. Pogodin M.P. *Drevnyaya russkaya istoriya do mongol'skogo iga* [Ancient Russian history before mongol yoke]. – M., 1871. – 401 p.

17. Kavelin K.D. *Gosudarstvo i obshchina* [The State and Commune]. – M., 2008. – 1297 p.

18. Solovyov S.M. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen* [History of Russia from the Earliest Times]. – M., 2006. – 1024 p.

19. Afanasyev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov* [The Poetic Outlook on Nature by the Slavs]. – M., 1995. – 824 p.

20. Kostomarov N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ee glavnejshih deyatel'ej. Kn. 1* [Russian History in Biographies of its main figures. Book 1]. – M., 1995. – 766 p.

21. Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoj istorii. Polnoe izdanie v odnom tome* [The course of the Russian history]. – M., 2011. – 1197 p.

22. Milyukov P.N. *Oчерки по истории русской культуры. Част' 1. Naselenie, ekonomicheskij, gosudarstvennyj i soslovnyj stroj* [Outlines of Russian Culture. Part. 1] SPb., 1896. – 223 p.

23. Bestuzhev-Ryumin K.N. *Russkaya istoriya. T. 1* [Russian history. Vol.1]. – M., 2018. – 640 p.

24. Platonov S.F. *Polnyj kurs lekcij po russkoj istorii* [Full course of lectures on Russian history]. – M., 2006. – 492 p.

25. Zabelin I.E. *Istoriya Russkoj zhizni s drevnejshih vremen. Chast' 2* [The History of the Russian mode of life from the Earliest times. Chapter 2]. – M., 1879. – 520 p.

26. Ilovaysky D.I. *Istoriya Rossii. Tom 1. Chast' 2* [The history of Russia. Vol. 1, chapter 2]. – M., 1876. – 337 p.

27. Anichkov E.V. *Yazychestvo i Drevnyaya Rus'* [Paganism and Ancient Rus']. – M., 2003. – 440 p.

28. Gal'kovsky N.M. *Bor'ba hristianstva s ostatkami yazychestva v Drevnej Rusi* [The struggle of Christianity with the remnants of Paganism in Ancient Rus']. – M., 2000. – 700 p.

Л.С. Королева

**Повседневная жизнь политических ссыльных
в пореформенной России:
современная историография вопроса**

В статье представлена современная историография по вопросу развития политической ссылки в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Если в советское время изучались такие аспекты данной темы, как создание революционного подполья, распространение нелегальной литературы и культурный вклад ссыльных, то современные исследователи начинают изучать повседневную жизнь поднадзорных.

В предлагаемой статье выделены вопросы, связанные с изучением истории повседневности поднадзорных. Проанализированы наиболее популярные направления исследований: микроистория, историческая феминология, история ментальностей. Представлены основные черты изучения политической ссылки на современном этапе: упор на анализ материального состояния во время прохождения наказания, поиск работы ссыльных; интерес к польской ссылке как к особому направлению исследования; изучение отдельных европейских регионов (Олонецкая, Новгородская, Вологодская губернии); продолжение изучения ссылки в Сибири как места массовой ссылки.

Основной задачей в современной историографии становится ответ на вопрос «Была ли эффективна ссылка как мера наказания в пенитенциарной системе Российской империи?»

Ключевые слова: история повседневности, историческая феминология, история ментальности, гендерная история, историография истории повседневности, микроистория, польская ссылка, новгородская ссылка, олонецкая ссылка, ссылка в Сибирь, вологодская ссылка.

Lyubov' S. Koroleva

**Everyday life of political exiles in post-reform Russia:
modern historiography of the issue**

The article presents modern historiography on the development of political exile in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries. If Soviet historiography studied such aspects of political exile as creation of revolutionary underground, distribution of illegal literature, cultural contribution of exiles, then modern scholars are beginning to study everyday life of exile people.

Issues related to the study of everyday life of exiles are highlighted in the article. The most popular research lines are analyzed: microhistory, historical feminology, history of mentalities. The main features of the modern studies of political exile are

presented: emphasis on the analysis of the material conditions during the passage of punishment, the work search of the exiles; interest in Polish exile as a special area of research; study of individual European regions (Olonets, Novgorod, Vologda provinces); further research of exile in Siberia as a place of mass exile.

The main task in modern historiography is the answer to the question: "Was the exile effective as a measure of punishment in the penitentiary system of the Russian Empire?"

Key words: history of everyday life, historical feminology, history of mentalities, gender history, historiography of everyday history, microhistory, Polish exile, Novgorod exile, Olonets exile, exile to Siberia, Vologda exile.

В советское время политическая ссылка в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. детально изучалась, ее вместе с каторгой рассматривали как часть истории революционного движения. Объектами интереса становились создававшиеся кружки, подпольная работа поднадзорных, пропаганда среди местного населения и вклад ссыльных в развитие культуры губерний, в которых проходила ссылка [1; 2]. В настоящее время на институт политической ссылки в Российской империи начали смотреть под другим углом. Появляются работы, где исследователи изучают историю повседневной жизни, переживания поднадзорных, их самоактуализацию в новых условиях жизни.

Анализ каждодневной жизни революционера в период ссылки дает возможность оценить, как проходила трансформация убеждений и взглядов поднадзорных и была ли пенитенциарная система Российской империи 1860–1917-х гг. эффективна [3, с. 6].

Современные методы позволяют взглянуть по-новому на старые источники: воспоминания и дневники революционеров анализируются через поиск того, что во время прохождения наказания поднадзорный считал обыденным, а что казалось ему необычным. По-другому исследователи смотрят также и на письма ссыльных, например, учитывают факт вскрытия жандармами писем перед пересылкой [4]. Массовые архивные источники, где даётся оценка поведению революционеров, помогают выделить взаимоотношения с местными властями. Основная масса документов писалась не в губернской канцелярии, а

местными полицейскими, которые в связи с надзором постоянно контактировали с ссыльными и знали их жизнь.

У большинства современных работ по истории политической ссылки одинаковая структура. Сначала идёт описание законодательной базы ссылки выбранного временного периода, затем приводится статистика, в которой указываются возраст, пол, религиозная принадлежность, образование политического ссыльного. После характеризуются их материальное обеспечение, поиск работы во время ссылки или прошения на получение государственных пособий. В анализ повседневной жизни обычно входит досуг, личная жизнь поднадзорных, подпольная деятельность, общение с местными жителями, общественная и культурная деятельность. Ряд работ рассматривают проблемы пересылки и включают в исследование этапирование ссыльных.

Интерес исследователей все еще прикован к Сибири как к основному месту массовой ссылки [5–9]. Для политических ссыльных особенностью прохождения наказания в Сибири становилось знакомство с реальным местом, а не с образом, сформированным литературой и печатной прессой XIX в. [8, с. 167]. Одной из особенностей ссылки в Сибирь был высокий процент побегов. Побег являлся одним из способов протеста против скудных условий существования. Встречались как массовые, так и одиночные побеги [6, с. 87–95].

В европейских губерниях местом ссылки чаще всего выбирались северные регионы, где условия жизни были не легче, чем в Сибири. Так, особенностью Архангельской губернии являлось то, что северный климат часто становился причиной тяжелых физических и нервных заболеваний ссыльных [10, с. 89]. Тяжелые условия вынуждали поднадзорных или их семей обращаться к властям с прошениями о смене места ссылки в губернии с более мягким климатом. Массовыми местами ссылки становились также Олонецкая [11–14] и Новгородская губернии [15–17], а статус «подстоличной Сибири» носила Вологод-

ская губерния [18–20]. Революционеры были уверены, что ссылка в европейскую часть Российской империи будет более мягкой, чем на север или в Сибирь.

В последние годы появляются исследования, анализирующие адаптацию ссыльных в период прохождения наказания в «местах не столь отдаленных» [7; 21]. Такие работы детально рассматривают способы выживания в ссылке, так как жизнь в ней проходила в экстремальных и непривычных для поднадзорных условиях. Связано это с тем, что большинство оказывалось не готово к особенностям жизни в ссылке.

В качестве основной проблемы, возникавшей у поднадзорных, исследователи выделяют поиск в новой среде заработка и работы. Ссылным запрещались все виды работ, где требовалось общение с людьми, например, врачебная или учительская деятельность. Предполагалось, что сосланный революционер займется «крестьянским трудом». Однако часть ссыльных (особенно это характерно для периода 1870–1900-х) были разночинцами, часто с дипломами врачей и учителей, и в такой ситуации получалось, что они не могли найти работу согласно своему образованию. Поднадзорные в связи с этим начинали искать другую работу, которая бы давала хороший заработок и была бы им разрешена, или же жили на казенное пособие [3, с. 63–99, 10; 15, с. 87].

Ряд работ рассматривают вопрос ссылки с позиции женской истории [6; 10; 11; 21]. Методы исторической фемениологии позволяют проанализировать развития женского самосознания в радикальных женских группах в пореформенный период. В таких исследованиях отмечают, что ссылка становилась испытанием для революционерок в связи, с одной стороны, особенностями пенитенциарной системы, а с другой стороны – со сложностями быта в ссылке. Причинами этих

сложностей становились политические убеждения [6, с. 168–169; 10, с. 169; 21, с. 253].

Много внимания уделяется на современном этапе изучения проблемы и истории польской ссылки [7; 15–18; 20; 22]. В данных трудах основной задачей является выявить через историю повседневности самосознание поляков, определить, как они оценивали себя и столь сильно отличавшееся от них местное население. Через обыденные события в польской ссылке раскрывается проблема ментальности – самосознания и самоопределения польских ссыльных, поиск того, что особенного произошло в истории их родины [9]. Большинство поляков во время прохождения наказания жили обособленно и старались не контактировать с местными жителями, сохранять часть своей родной культуры в себе через жизнь отделенной группой поднадзорных. С.А. Мулина при рассмотрении польской ссылки в рамках исследования методов адаптации отдельно выделяет фактор жизни польских ссыльных диаспорами, облегчавшей поднадзорным прохождение наказания. Одним из видов такой групповой интеграции становились группы взаимопомощи [7, с. 13]. В работах на эту тему также анализируется и взгляд местного населения на польских ссыльных и то, как через них местные жители начинают видеть царство Польское.

Появились работы, в которых используется метод микроистории, т. е. через одну личность или событие изучается «большая история». Так, например, на основе материалов о ссылке в Сибирь народника Н.А. Чарушина анализируется, как видело поколение революционеров-семидесятников Сибирь и с чем им приходилось сталкиваться во время прохождения наказания [8]. Микроисторический метод используется также в рамках исследования ссылки в Новгородскую губернию архиепископа Феофила Винсента Поппеля: на примере этой ссылки можно наблюдать халатность местных властей в соблюдении надзора над ссыльными независимо от их статуса [17, с. 51–53]. Появляются

также статьи, обращенные на изучение отдельных событий, в которых участвовали ссылки. Так, А.М. Пашков в статье, посвященной литературно-музыкальному вечеру в Петрозаводске в 1863 г., куда были приглашены и ссылки, рассматривает политику, проводимую местными властями в отношении поднадзорных как демократическую [12].

Современная историография по вопросу развития политической ссылки обращается к вопросу повседневной жизни в ссылке чаще, чем советская. Многие из исследователей используют для анализа событий в ссылке методологию истории повседневности. Находясь в ссылке, революционер сталкивался с огромным количеством проблем, например, обустройство быта, адаптация, подозрительное отношение со стороны местных властей и т. д. Это становилось основным катализатором всех последующих изменений в жизни.

Постоянный гласный надзор, контроль властей над жизнью, запрет на ряд профессий и уход из города по-особенному влияли на революционеров, и их адаптация к новым условиям зависела от того, как будет проходить их ссылка, будет ли снят с них гласный надзор, и когда они вернутся на свою родину. На основании этих факторов и устанавливается, была ли успешной ссылка как мера наказания за политические преступления.

Список литературы

1. Из истории политической ссылки на Европейский Север. XVIII – начало XX в.: сб. науч. ст. / отв. ред. Г.Г Фруменков. – Вологда: Вологод. пед. ин-т, 1978. – 106 с.
2. Михайлов Б.Г. Революционное движение и политическая ссылка на Европейском Севере России в 60–70 х гг. XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 1984. – 25 с.
3. Калинина Д.А. Повседневная жизнь политических ссыльных в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Киров, 2009. – 249 с.
4. Письма вологодских ссыльных начала XX в. / вступит. ст. и публ. Ф.Я. Коновалова // Вологда: ист.–краевед. альм. – Вологда, 2000. – Вып. 3. – С. 667–694.
5. Береговая Е.П. Политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук – Красноярск, 2007. – 23 с.

6. Максимова В.Н. Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2003. – 206 с.
7. Мулина С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 г. в Западной Сибири. – СПб.: Алетейя, 2012. – 200 с.
8. Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х гг. – М.: Нов. лит. обозрение, 2016. – 448 с.
9. Недзелюк Т.Г. История ментальностей в современной сибирско-польской историографии // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 3. – С. 22–25.
10. Овечкина С.Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. – Архангельск, 2005. – 235 с.
11. Королева Л.С. Материальное положение женщин – политических ссыльных на северо-западе Российской империи в 1860–1880-е гг. (на примере Олонецкой и Новгородской губерний) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. – Т. 3. – С. 325–331.
12. Пашков А.М. Литературно-музыкальный вечер в Петрозаводске 5 июня 1863 г. (опыт исследования по микроистории) // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер. «Обществ. и гуманитар. науки». – 2011. – № 5 (118). – С. 28–32.
13. Пашков А.М. Политическая ссылка в Олонецкую губернию в годы правления Александра II (1855–1881) // Тр. ист. фак. С.-Петерб. ун-та. – 2014. – № 17. – С. 233–249.
14. Пашков А.М. Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX в.: опыт переосмысления // Вестн. РУДН. Сер. «История России». – 2011. – № 2. – С. 112–126.
15. Алексеева М.А. Повседневная жизнь польских политических ссыльных в Новгородской губернии во второй половине XIX в. // К 150-летию Январского восстания в Польше: польские ссыльные в Новгородской губернии / отв. ред. Б.Н. Ковалев. – Великий Новгород, 2013. – С. 84–90.
16. Ковалев Б.Н. Архиепископ Полоцкий и Варшавский Феофил Винсент Попель: семь лет ссылки в Новгород в перлюстрированной переписке и жандармских документах // К 150-летию Январского восстания в Польше: польские ссыльные в Новгородской губернии / отв. ред. Б.Н. Ковалев. – Великий Новгород, 2013. – С. 44–54.
17. Якубовская И.В. Польские ссыльные в Новгородской губернии: региональный и национальный контекст русско-польских социокультурных отношений 1860–1880-х гг. // Новгород. ист. сб. – 2008. – № 11 (21). – С. 219–261.
18. Голикова Н.И. Польские ссыльные в Вологодской губернии в 60-е гг. XIX в // Ист. краеведение и архивы. – Вып. 10. – С. 118–131.
19. Калашникова И.В. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX в. // Тр. ист. фак. С.-Петерб. ун-та. – 2005. – № 17. – С. 115–121.
20. Макарова Е.А. Сравнительный анализ положения польских ссыльных в Вологодской и Новгородской губерниях // К 150-летию Январского восстания в Польше: польские ссыльные в Новгородской губернии / отв. ред. Б.Н. Ковалев. – Великий Новгород, 2013. – С. 91–98.
21. Ванюшина О.В. Административно высланные в Тверскую губернию женщины (1881–1917): адаптация к условиям повседневной жизни: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2016. – 284 с.
22. Павлов В.А. Польская политическая ссылка в Казанской губернии во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004. – 23 с.

References

1. *Iz istorii politicheskoj ssylki na Evropejskij Sever, XVIII – nachalo XX vv.: sb. nauch. st.* [From the history of political exiles to the European North, XVIII- early XX centuries: a coll. scien. art.] / *otv. red. G.G Frumenkov.* – Vologda: Vologodskij ped. in-t, 1978. – 106 p.
2. *Mihajlov B.G. Revoljucionnoe dvizhenie i politicheskaja ssylka na Evropejskom Severe Rossii v 60–70 h gg. XIX veka* [The revolutionary movement and political exile in the European North of Russia in the 60-70s. XIX century]: *avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk.* – Saratov, 1984. – 25 p.
3. *Kalinina D.A. Povsednevnaia zhizn' politicheskikh ssyl'nyh v Vjatskoj gubernii v konce XIX – nachale XX v.* [Everyday life of political exiles in the Vyatka province in the late XIX - early XX century]: *dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02.* – Kirov, 2009. – 249 p.
4. *Pis'ma vologodskikh ssyl'nyh nachala XX veka* [Letters of Vologda exiles at the beginning of the 20th century] / *Vstupit. st. i publ. F.Ja. Konovalova// Vologda: ist.–kraeved. al'm.* – Vologda, 2000. – Vyp. 3. – P. 667–694.
5. *Beregovaja E.P. Politicheskaja ssylka v Enisejskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Political exile in the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries]: *avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* – Krosnojarsk, 2007. – 23 p.
6. *Maksimova V.N. Zhenskaja politicheskaja katorga i ssylka v Vostochnoj Sibiri (1907–1917 gg.)* [Women's katorga and exile in Eastern Siberia (1907–1917)] *dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.02.* – Irkutsk, 2003. – 206 p.
7. *Mulina S.A. Migranty ponevole: adaptacija ssyl'nyh uchastnikov Pol'skogo voss-tanija 1863 goda v Zapadnoj Sibiri* [Involuntarily migrants: adaptation of exiled participants of the Polish uprising of 1863 in Western Siberia] – SPb.: Aletejja, 2012. – 200 p.
8. *Saburova T., Jeklof B. Druzhiba, sem'ja, revoljucija: Nikolaj Charushin i pokolenie narodnikov 1870-h godov* [Friendship, family, revolution: Nikolai Charushin and the generation of the Narodniks of the 1870s]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – 448 p.
9. *Nedzeljuk T.G. Istorija mental'nostej v sovremennoj sibirskopol'skoj istoriografii* [The history of mentalities in modern Siberian historiography] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* – 2013. – № 3. – P. 22–25.
10. *Ovechkina S.Ju. Zhenskaja politicheskaja ssylka v Arhangel'skoj gubernii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Women's political exile in the Arkhangelsk province (second half of the 19th – early 20th centuries)] *dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.02.* – Arhangel'sk, 2005. – 235 p.
11. *Koroleva L.S. Material'noe polozenie zhenshin politicheskikh ssyl'nyh na severo-zapade Rossijskoj imperii v 1860-1880-ye gody (na primere Oloneckoj i Novgorodskoj gubernij)* [The financial situation of women political exiles in the north-west of the Russian Empire in the 1860-1880s (for example, the Olonets and Novgorod provinces)] // *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf. / otv. red. V.A. Veremenko.* – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2019. – T. 3. – P. 325–331.
12. *Pashkov A.M. Literaturno-muzykal'nyj vecher v Petrozavodske 5 ijunja 1863 goda (opyt issledovanija po mikroistorii)* [Literary and musical evening in Petrozavodsk on June 5, 1863 (research experience in microhistory)] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Obshhestvennye i gumanitarnye nauki».* – 2011. – № 5 (118). – P. 28–32.
13. *Pashkov A.M. Politicheskaja ssylka v Oloneckuju guberniju v gody pravlenija Aleksandra II (1855–1881 gg.)* [Political exile in the Olonets province during the reign of Alexander II (1855–1881)] // *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta.* – 2014. – №17. – P. 233-249.

14. Pashkov A.M. *Politicheskaja sсыlka i razvitie kraevedenija na Russkom Severe v XIX – nachale XX v.: opyt pereosmyslenija* [Political exile and the development of local history in the Russian North in the 19th - early 20th centuries: the experience of re-thinking] // *Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii»*. – 2011. – № 2. – P. 112–126.

15. Alekseeva M.A. *Povsednevnaia zhizn' pol'skih politicheskikh sсыl'nyh v Novgorodskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka* [Everyday life of Polish political exiles in the Novgorod province in the second half of the nineteenth century] // *K 150-letiju Janvar'skogo vosstaniia v Pol'she: Pol'skie sсыl'nye v Novgorodskoj gubernii / otv. red. B.N. Kovalev*. – Velikij Novgorod, 2013. – P. 84–90.

16. Kovalev B.N. *Archiepiskop Plockij i Varshavskij Feofil Vinsent Popel': sem' let sсыlki v Novgorod v perljustrirovannoј perepiske i zhandarmskih dokumentah* [Archbishop of Plock and Warsaw Theophilus Vincent Popel: seven years of exile in Novgorod in illustrated correspondence and gendarme documents] // *K 150-letiju Janvar'skogo vosstaniia v Pol'she: Pol'skie sсыl'nye v Novgorodskoj gubernii / otv. red. B.N. Kovalev*. – Velikij Novgorod, 2013. – P. 44–54.

17. Jakubovskaja I.V. *Pol'skie sсыl'nye v Novgorodskoj gubernii: regional'nyj i nacional'nyj kontekst rusko-pol'skih sociokul'turnyh otnoshenij 1860–1880-h gg.* [Polish exiles in the Novgorod province: regional and national context of Russian-Polish socio-cultural relations of the 1860-1880s.] // *Novgorodskij istoricheskij sbornik*. – 2008. – №11 (21). – P. 219–261.

18. Golikova N.I. *Pol'skie sсыl'nye v Vologodskoj gubernii v 60-e gody XIX veka* [Polish exiles in the Vologda province in the 60s of the XIX century] // *Istoricheskoe kraevedenie i arhivy*. – Vyp. 10. – Vologda, 2004. – P. 118–131.

19. Kalashnikova I.V. *Praktika politicheskoi sсыlki na Evropejskom Severe v XIX – nachale XX vekov* [The practice of political exile in the European North in the XIX - early XX centuries] // *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* – 2005. – №17. – P. 115–121.

20. Makarova E.A. *Sravnitel'nyj analiz položenija pol'skih sсыl'nyh v Vologodskoj i Novgorodskoj gubernijah* [Comparative analysis of the situation of Polish exiles in the Vologda and Novgorod provinces] // *K 150-letiju Janvar'skogo vosstaniia v Pol'she: Pol'skie sсыl'nye v Novgorodskoj gubernii / otv. red. B.N. Kovalev*. – Velikij Novgorod, 2013. – P. 91–98.

21. Vanjushina O.V. *Administrativno vyslannye v tverskuju guberniju zhenshhiny. (1881–1917 gg.)* [Women administratively deported to Tver province. (1881–1917)]: *adaptacija k uslovijam povsednevnoj zhizni dis.... kand. ist. nauk: 07.00.02*. – Moskva, 2016. – 284 p.

22. Pavlov V.A. *Pol'skaja politicheskaja sсыlka v Kazanskoј gubernii vo vtoroj polovine XIX veka* [Polish political exile in the Kazan province in the second half of the XIX century]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Cheboksary, 2004. – 23 p.

Сведения об авторах

Дённингхаус Виктор, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора, Нордост-институт Гамбургского университета (г. Люнебург), Германия; e-mail: V.Doenninghaus@IKGN.de

Долинникова (Северцева) Ольга Валентиновна преподаватель истории, Выборгский институт (филиал) Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина; e-mail: oseverseva@mail.ru

Дубинин Игорь Владимирович, библиотекарь, Динский механико-технологический техникум, станица Динская, Краснодарский край, РФ, e-mail: titlo@mail.ru

Иванцов Игорь Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент 1 кафедры, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко, Краснодар, РФ; e-mail: IIG23@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3820-3642

Королева Любовь Сергеевна, магистрантка факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: lyubow.corolyova@yandex.ru

Резанов Андрей Дмитриевич, магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: misterizhmyak@yandex.ru

Семёнов Алексей Михайлович, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: amsemenov92@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6656-1404

Сержанова Жанна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, сотрудник, Leuphana Universität Lüneburg, Deutschland. ORCID: 0000-0003-1208-294X

About Authors

Dolinnikova (Severtseva) Ol'ga V., History Teacher, Vyborg institution (branch), Pushkin Leningrad State University; e-mail: oseverseva@mail.ru

Dönninghaus / Denningkhaus Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Nordost Institute of the University of Hamburg (Lüneburg), Germany; e-mail: V.Doenninghaus@IKGN.de

Dubin in Igor' V., Librarian, Dinsky Mechanics and Technology College, village Dinskaya, Krasnodar Territory, Russian Federation; e-mail: titlo@mail.ru

Ivantsov Igor' G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the First Department, Krasnodar Higher Military School named after the General of the Army S.M. Shtemenko, Krasnodar, Russian Federation; e-mail: IIG23@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-3820-3642

Koroleva Lyubov' S., Graduate Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: lyubow.corolyova@yandex.ru

Rezanov Andrei D., Graduate Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: misterizhmyak@yandex.ru

Semenov Aleksei M., Pushkin Leningrad State University; e-mail amsemenov92@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7130-9038

Serzhanova Zhanna A., Candidate of Philology, Associate Professor, Employee, Leuphana Universität Lüneburg, Deutschland. ORCID: 0000-0003-1208-294X

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «**История повседневности**» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.
2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владиминова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.
3. Лобанов В.В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-piruskogo> (дата обращения: 01.12.2015).
4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.
2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 2 (14)

На обложке размещена репродукция картины
А. Е. Архипова «Прачки», 1901 г.,
Третьяковская галерея

Редактор *Л. М. Григорьева*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 23.06.2020. Формат 60x84 1/16.3
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1629

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10